

Под ласковым солнцем:

ТАМ, ГДЕ АНГЕЛАМ НЕТ МЕСТА

18+

Кирнос С. В.

Степан Кирнос

**Под ласковым солнцем:
Там, где ангелам нет места**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кирнос С. В.

Под ласковым солнцем: Там, где ангелам нет места /
С. В. Кирнос — «ЛитРес: Самиздат», 2018

От Альбиона и Парижа до северных далей чада свободных нравов построили идеальный мир свободы, возведённый на руинах разорённой цивилизации прошлого, ставшей пепелищем. Здесь нет диктатуры государства или церкви, а риторику принуждения сменила толерантность и почитание всевозможных прав. Но столкновение с этим миром не сулит ничего хорошего, ибо доведённые до фанатизма его основы свободы, он стал страшным местом, где нет места тем, кто отвергает принципы.

Содержание

Предисловие	8
Пролог	9
Часть первая. На задворках свободного мира	14
Глава первая. Шаг из дома – шаг во мрак	14
Глава вторая. Вечное проклятье или жизнь на службе государства	23
Глава третья. На стыке миров	31
Глава пятая. Депутат поневоле	44
Глава шестая. Танец клинков, снега и горя	49
Глава седьмая. Одержимость вещиизмом	54
Глава восьмая. Адов цирк «Форум Свободы»	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Степан Кирнос

Под ласковым солнцем: Там, где ангелам нет места

«О, дети нового мира, и что же вы называете свободой? Отсутствие ответственности? Потакание каждому приступу низменных похотей? Осквернение тела «наркотическим зельем»? Спускание в оргии или браки со всем, что есть на многострадальной Земле? О нет, дети культов «Приволья», это не свобода, а тоталитарная диктатура требований половой и пищевой систем, многократно усиленных от наркотической ломки. И люди, болеющие и пленённые такой не-свободой способны воздвигнуть только диктат нового Содома. Да, я говорю об одном из «Солнц» наступающего мира».

– Сарагон Мальтийский – Чёрный Оракул

«Запомните, истинная свобода рождается в тот момент, когда вы понимаете, что вы хозяин вашей утробы, вашего времени, ваших чресл; в тот момент, когда вы отрекаетесь от службы и повиновения идеологии, созданной людьми. В иных случаях вы раб своего организма или ещё хуже – слуга эфемерных идей».

– Ламес Иллирийский – философ эпохи Великого Кризиса

«...Грешили наши предки, но грех грехом называли, а нынешние либералы, согрешая, стараются грех оправдать, как бы законное дело. Грехи похоти плотской, по их учению, не только простые слабости человеческой природы, но и законы природы, её требования. Находятся между ними такие, которые боготворят и самую страсть плотскую, как в древности поклонники Артемиды, устраивающие оргии с незаконными смещениями. И вся эта мерзость печатается, и ее читают, и о ней рассуждают без омерзения, без отвращения, как будто о достойном внимания! Это ли свобода? Нет, это не свобода, а ужасное рабство греху и страстям, имеющее последствием страшную казнь Божию, истребление рода и муку вечную».

– Иоанн Кронштадский – философ и богослов докризисной эпохи

«Левые либералы» довели понятие общественного согласия до абсурда единомыслия. Только попробуйте рот открыть, что толерантность не означает предпочтения для феминисток и ЗОЖей, афро-американцев и арабо-европейцев, чукчей Аляски и Свидетелей Иеговы!»

– Елена Викторовна Котова, мыслитель докризисной эпохи

Карта Либеральной Капиталистической Республики и субъектов, входящих в неё

Рис. 1 Карта Либеральной Капиталистической Республики с входящими в неё странами.

- 1 Центр Свободы
- 2 Германская Марка
- 3 Боварская Военная Федеральная Республика
- 4 Австрийская Имперская Федерация
- 5 Швейцарская Федеральная Конфедерация
- 6 Южный Бургундский Диархат
- 7 Республика «Атлантическая Вестфалика»
- 8 Бретонский Двор
- 9 Норманнское Свободное Княжество
- 10 Парижская Коммуна
- 11 Нехт'Ар-Варо Ларманская Империя
- 12 Вольный Регион Эльзаса и Лотарингии
- 13 Фламандско-валлонская Герцог-республиканская Автономно-Государственная Уния
- 14 Вольная Фризия
- 15 Английская Республика
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35

- 16 Республика Корнуолл
- 17 Уэльский Олигархат
- 18 Ирландское Унитарное Консульство
- 19 Свободная Республика Северная Ирландия
- 20 Королевство Нортумбрия
- 21 Шотландское Герцогство
- 22 Союз Оркнейских Островов
- 23 Датское Демократическое Королевство
- 24 Государственная Автономия Сконе
- 25 Новая Швеция
- 26 Новая Либеральная Республика Норвегия
- 27 Северонорвежская теократия
- 28 Феминистская Матриархальная Республика
- 29 Республика Холугаланд
- 30 Южноскандинавская теократия
- 31 Аландские Независимые Острова
- 32 Восточная Бюрократия Финляндии
- 33 Саамская Федерация
- 34 Исландская Анархистская Унитарная Коммуна
- 35 Атлантико-океаническая директория

Предисловие

Эта книга часть литературной вселенной «Мир серой ночи», история в ней продолжает серию книг «Под ласковым солнцем».

Там, за стеной, за бетонными лесами Империи, которые ограждают Рейх от остального мира, простирается славный край, где нет тоталитарного государства и единой религии, а сами эти институты сведены практически до минимума. Гражданское общество, свободный рынок и сотни политических движений – вот движущая сила страны, чья воля зиждется на свободном выражении мысли либеральной. Тут на каждом углу встречаются люди с улыбками на лицах, облачённые в пёстрые одежды, вечно радостные и готовые держаться за свои права и свободы, количество которых исчисляется сотнями, тысячами. Это держава, где люди свободны, как они считают, где роль государства отошла на второй план и самое главное это свобода граждан, и их вольное решение на пару с рыночными механизмами. И кажется, что это великий край, истинно утопический и манящий великолепием, восставшим некогда из праха посреди мира, упавшего в лоно великого кризиса.

Однако нечто таится внутри страны... похожее на ту самую диктатуру, которая подчиняет волю нескольких сотен миллионов граждан Либеральной Капиталистической Республики. Теперь героям, бежавшим из Рейха, суждено переместиться из страны тоталитарной определённости, праведности и стабильности в вольный край, где самым первым словом, что говорит ребёнок, есть слово – Свобода. В мире, куда попадают герои, нет диктатуры государства, нет принуждения и тотальной морали праведности, но действительно ли такой мир лучше? Правда ли, что общество, взращённое на благодатной почве индивидуализма, раскрепощения и «рыночного духа» будет таким идеальным, как его представляют?

Пролог

Времена Великой Ночи, период «темнейшего часа». В комнате «Мистика».

В комнате гнущей рукой расплзается тьма, несмотря на горящие, с небольшим приятным треском, по углам свечи. По небольшому пространству, где стоит два человека, разносился приятный запах благовоний, которые дымятся на столе «мистика», заполняя комнату давно забытыми сладкими ароматами луговых цветов, что с разразившейся войной и хаосом канули в забвение.

Особенно примечателен стол владельца старенькой комнатухи. Неимоверно огромный и широкий, покрытый чёрным, как ночь, лаком, тисовый стол просто не вписывается в размеры небольшой комнаты, которая есть квартира для того, кто себя называл «мистиком», или «пророком ангелов». На столе разбросано множество самых различных предметов, ставших обыденными для установившейся реальности. Латунные, начищенные до ослепительного блеска монеты Новой Английской Республики рассыпью легли на стол, став подобно звёздам на ночном бездонном полотне. Тяжёлые чугунные монеты Иллирийской Тирании стоят стопкой, своим гротеском и тяжёлой суровостью, словно потакая тому непростому времени, что кощунственно торжествует над каждой живой душой в старом свете. Купюры нескольких новых стран, словно осеннее листья легли вперемешку с газетами и листовками, спокойно провозглашавшими то, что несколько десятков лет назад считалось немыслимым.

Тёмный шар, заполнившийся серой дымкой, трескающийся от неведомой энергии, только придаёт дух загадочности этому странному месту. Но помимо шара на столе аккуратно лежат несколько карт «Нового Таро», созданными мастерами гадания наступивших тёмных времён. Также стол заполнило масса самых обыденных вещей: ручки, карандаши, листки и ещё множество иного хлама.

Стены мистически устроенной комнаты были раньше олицетворением нищенства, о тех пор, пока сам «мистик» их не обклеил чёрными, как смола, обоями, поглощавшими всякий свет, отчего по коже полз странный и неприятный холодок. Два окна комнатухи плотно занавешены, непроницаемыми для тёплого и игривого солнечного луча, шторами, цвета бездны.

Под своими ногами гость чувствует махровый мягкий, довольно помятый такими же прихожанами, ковёр, пришедший из эпохи, которая потом получит название: «Золотое бытие мира или время перед планетарным кризисом».

В самом конце комнатухи стоит тот самый «мистик», как он прозвал себя, приехав в маленький, умирающий и стонущий от нового времени городок. Загадочный приезжий не сидит на своём деревянном кресле, что занимает место у стола. Он гордо взирает прямо в зеркало, точно сосредоточившись на визуальном силуэте, бесновавшимся за пределами зеркальной глади. Лицо «Мистика» так сильно затемнилось, что ни единой черты нельзя высмотреть, ибо тень, падшая на его лик столь сильна. В комнате настолько хорошо играет темнота, что то место, где он стоял, полностью погрузилось в непроницаемую тьму. Видна была только его чёрная ряса, ухотившая прямо в пол.

– Вы зачем-то пришли? – размеренно произнёс «мистик», потеряв ладони, в которых блеснула монетка.

От неожиданного вопроса гость вздрогнул, но тут же взял себя в руки и нашёл в себе мужество начать разговор за тем, чем пришёл.

– Да, – с робостью ответил мужчина.

– Это предсказание? – таким же глубоким голосом произнёс «мистик».

– Совершенно верно, – с еле уловимой дрожью в обрывистом голосе ответил гость.

– Вы боитесь меня? – почувствовав волнения в голосе своего собеседника вкрадчиво спросил хозяин комнаты.

– О вас много говорят, – уже более спокойно попытался обосновать свою дрожь гость.

– И что же к примеру?

– Рассказывали, что в Возрождённой Парижской Коммуне вы на воздух подняли целый небоскрёб, в котором было Народное Управление Электроэнергией. Что вы проклинали целый город Уэльского Содружества на мучительную смерть от чумы. И что, вы...

– Достаточно, – резко, но спокойно оборвал рассказ «мистик». – В тёмные времена люди хотят верить в то, что за их бедами стоит кто-то иной, нежели они сами. И этой верой готовы воспользоваться проходимцы, алчущие сохранить собственную власть, натравливая народ на тех, кого они укажут. Про меня много сказок ходит. Большинство в них – чистая ложь.

– Понятно, – уже намного спокойнее произнёс гость.

– Это хорошо. А теперь скажите, зачем вы сюда пришли. – Настойчиво потребовал «мистик». – Но сначала присядьте на стул.

Гость посмотрел и увидел перед столом небольшую сколоченную из дерева старенькую табуретку.

– Я хочу узнать, что будет с моей родиной? – с нотками моления и волнения, садясь на стул, спросил мужчина, кинув взгляд, переполненный надеждой на «мистика».

Неожиданно хозяин комнаты резко повернулся на гостя, отчего помещение на несколько секунд наполнилось шумом шуршащей рясы. «Мистик» несколько секунд пристально смотрит на незнакомца, после чего подошёл к своему креслу и плюхнулся в него.

Гость кинул осторожный взгляд на лицо хозяина квартиры, но смог увидеть лишь чёрный тканевый капюшон, опускавшийся практически до губ, и мужчина проглядел только покрытый щетиной грубый подбородок и тонкие холодные губы.

– Откуда ты? – вкрадчиво спросил «мистик».

– Это... – Начал говорить гость, как его слова пропали в вихре звона автоматных залпов, которые раздались за окном, но хозяин комнаты за края фразы смог уловить название отчизны.

– Опять разбушевались, – с лёгкой, моментально исчезнувшей улыбкой «мистик» и кинул. – Там тяжёлая сейчас ситуация. В твоём краю.

– Да, всё верно. И я хотел бы увидеть будущее моей родины. У меня сердце болит от того, что происходит в мире. Я не могу спокойно смотреть, как умирает мой край, – жалобно выдавил гость.

– А если я дам гибельное пророчество для твоей родины? Что ты будешь делать тогда?

Пришедший мужчина в отчаянии лишь склонил голову к груди, так и не удостоив ответом вопрос.

– Хорошо, я сегодня дам пророчество о твоей родине, ибо твоя просьба достойна того, чтобы на неё ответить. – Смягчившись, сказал «мистик» и взял в руки карты политического таро, с новыми обозначениями и рисунками.

Хозяин квартиры стал медленно раскладывать карты по столу, выкладывая их в один ряд. И выложив, примерно пять карт, «мистик» стал их трактовать по неведомому способу. Он взялся за первую карту, проведя пальцами по лакированной бумаге. Узловой картой оказалась золотая неперевернутая корона, похожая на обычный обруч, с символом в углу в виде серебряной монеты.

– Хм, «золотая корона республики», средний аркан. Это означает, что все дальнейшие факты и признаки, будут иметь доминантный характер, – пояснил «Мистик».

Хозяин комнатухи взял в руки вторую карту и посмотрел на её изображение. На ней оказался нарисован синий флаг старого союза, с раскинувшимися по кругу золотистыми звёздами, а в углу карты также изображалась серебряная монетка.

– «Флаг союза». Также средний аркан. Твоя родина станет частью чего-то большого и единого. Очень крупного объединения, – после этих слов гадающий взял в руки ещё одну карту. – А что у нас тут нарисовано? Радужный флаг, без голубого. Золотая монета, – напряжённо произнёс хозяин квартиры. – Это старый символ лихой свободы. Старший аркан. Это означает, что ваша родина в будущем будет слишком... раскрепощена.

Оставались две карты, на которые гость смотрел с осторожностью, ибо узрел в них совсем недобрый замысел.

«Мистик» взял ещё одну карту, проведя пальцами по её краям. В глаза ударилось очертание белокаменного перевёрнутого монастыря, а над ним утопающий в похоти и грехах древний город – Гоморра. Провидец не без явного напряжения кинулся к следующей карте, но увидел там ещё одно мрачное предостережение. На карте нарисовано несколько зелёных банкнот, а над ними золотым сияет латинская буква «S», перечёркнутая двумя вертикальными линиями.

Посмотрев на две эти карты, «мистик» выдохнул и просто швырнул на стол, откинувшись на спинку кресла.

– Что? Что будет с моей родиной? – Чуть ли не молясь, вопрошал гость.

– Ох, что ж, я вижу, что твоя родина станет частью огромного объединения, что раскинется от центра старой Франции до севера Норвегии, от мест, где обитали «цюрихские гномы» до края Шотландии. Но там будут править разврат, похоть и неконтролируемая свобода, которая попрёт всякую мораль старого мира. Там будут низвергнуты всякие нравственные ориентиры, но князем этого тёмного мира станут не только деньги и кумовство. Я чувствую некое идейное безумие, что пожрёт души. Сами жизни людей станут лишь разменной монетой на рынке дикого капитализма. Если у вас есть дети и семья, то я вас прошу – увозите их оттуда, иначе вы весь свой род обречёте на моральную смерть в этом крошечном аду, – и после небольшой выдержанной паузы громогласно воскликнул. – И это истина, ибо так говорю я, тот, что ещё никогда не делал ошибок! Я – Сарагон Мальтийский!

Человек, сидевший напротив «прорицателя», испытал к нему жуткое отвращение. Он в самомнении и гордыни заявляет, что не может ошибиться, он окружил себя символами и атрибутами нечестивой работы. Сарагон Мальтийский – не противопоставление страшному тяжёлому времени, а одно из его проявлений, который служит больше силам разрушения этого мироздания, нежели созидания.

– Спасибо, – отдал холодную похвалу человек и поднялся, чтобы покинуть комнату «Мистика», понимая, что заговорив с философом эпохи тотальной разрухи, сам стал сопричастен к сущности краха; карты, гадания, впадение в мистицизм, увлечение таинственными искусствами тонких материй, почитание всего богомерзкого – всё прям как в ветхозаветные времена, наступило их странное подобие, к которым человечество вернулось, сделав виток.

Спустя многие годы...

Холод подобно юркому змею – пытается пролезть во все щели между кожей и одеждой. Несмотря на то, что всё тело окутывается одеждой, кожный покров постоянно испытывался диким ледяным ветром, что промораживает практически до костей. Небо затянулось серым и мрачным покровом, сотканным из грузных тёмных облаков, давивших на сам мир. И весь массив серо-фиолетовых облаков, покрывших толстым панцирем небосвод, не пропускает ни единого луча солнца, отчего на улице ползёт и расширяется серость, вызывающая дикую меланхолию.

И вся фантазмагория холода и серости, уныния и таившегося страха нависла над одним из городков, что лежит практически у Атлантического Океана, на юге полуострова Бретань.

Однако нечто странное и более чем тусклое, подобно клинку Дамокла висит над городом и это не серая небесная твердь, а будто бы сама безысходность и отчаяние поселились среди нового поселения, кидая в тоску весь город и бегая апатией среди его улочек.

Сам город не есть воплощение тех старых времён, когда старый свет утопал в роскоши, сытости и благоденствии, а его дома это не те красивые и аккуратные европейские жилища. Большинство поселения состоит из безвкусных и таких же, как небеса, серых домов, стянутых из бетона и облицованных зеркальным пластиком без цвета, своим видом ещё сильнее вдавливающих в безудержную тоску. Только несколько домов могли похвастаться архитектурным и стилистическим разнообразием, и то сейчас это обшарпанные и практически покинутые бараки.

По улочкам города, наспех умахёнными серыми плитами идёт мужчина среднего роста. Его вид, по сравнению с видом большинства населяющих город мог показаться весьма и весьма странным. Он одет в тяжёлое кожаное пальто старо-классического типа. Оно ложится на хорошую серую жилетку, под которой кожи касается белая рубашка. Ноги покрывает серые брюки и классические туфли.

Что ж, для такого государства, как «Автократорство Рейх» этот человек был одет вполне прилично, но никак не для этих не «славных» мест. Либеральная Капиталистическая республика давно установила «Свободу Одежды»... свободу, которая привела к тому, что «люди» на себя стали одевать всё, что имеет твёрдую форму.

Мужчина вышел на главную площадь, которая сдавливает душу массивными пятиэтажными зданиями с трёх сторон. Только конец площади заканчивается развилкой на две широких улицы.

Внезапно вышедшего на улицу мужчину стали окружать практически со всех сторон. Он быстро и судорожно, как зверь, ожидающей поимки, оглянулся по сторонам и увидел, что это было пять человек, подходивших с разных направлений. Его сердце забилося бешеной птицей, а на спине проступил холодный пот. На небольшой городской площади гуляет не менее трёх десятков человек, но вышли только пятеро и шли к нему уверенно, как охотник к жертве. Парень забеспокоился.

И ему есть чего опасаться. Он стоит в одежде из былых времён, когда вокруг шныряли люди, облачённые в цветастые и пёстрые одеяния, мало похожие на нормальное облачение в старом понимании. Кто-то из мужчин носил длинные платья и каблуки с колготками, со вплетёнными в одежды ленточки радужной расцветки. Некоторые парни были более сдержанными и надели просто мини-юбки поверх подштанников. Девушки, стремясь выглядеть брутальными, напялили на себя, как ранее считалось, мужские брюки и мешковатые кофты, становясь похожими на яркие бесформенные существа. Ну а некоторые вообще облачились в латексные костюмы, даже ни взирая на страшный холод. И к этому, каждый пытался выделиться телом, ибо в этом ключ к индивидуальности. Красили волосы в неестественные цвета, вставляли в себя килограммы металла и «преображали» тело. Это первая ошибка, ибо как утверждает Культ Конституции: «никто не должен уподобляться старой антилиберальной моде».

Мужчина вспомнил, как вчера в местном баре он познакомился с одной очаровательной девушкой. Они немного выпили и она осталась у него на целую ночь... однако ничего такого не было, ибо они просто продолжили общение на тему политики, но только сейчас он вспомнил, как имел неосторожность проронить фразу: «Хотелось бы, чтобы мужчины были помужественнее и могли хотя бы помогать прекрасному полу помогать носить тяжёлые вещи... Улыбнись же». Это вторая ошибка. И тут в памяти, в самой её глубине, у парня всплыли, какие статьи ему светят в «новом свободном» государстве. На ум пришло сразу несколько: Статья пятнадцатая, раздела третьего Феминистского Кодекса. Третий раздел называется – «Преступления покушающиеся на психологическую независимость женщин», а статья пятнадцатая имела весьма издевательское название – «Требование эмоционального обслуживания». Но он ведь просто попросил её улыбнуться потому, что она показалась ему грустной. Однако разве это волновало «ревнительниц прав женских»?

Ну и совсем страшное, что могло бы случиться с этим мужчиной в этом государстве. Он решил открыть свой частный магазин, сразу же отвергнув покровительство Генерального Тотал-Корпорационна... а эта организация держит весь центр государства и все его потоки, сжавшись ледяной и костлявой рукой на шеях граждан. И такая дерзость против, того, что есть «Корпорация» мало прощалось. Мужчина надеялся на то, что согласно Конституции сможет зарабатывать в мире, где рыночная экономика почиталась с чуть ли не фанатизмом, но он ошибся. Её давно уже поделили. И преступление против одной из Корпораций, было худшим и самым тяжким после правонарушения против неисчислимых полчищ ЛГБТПАиПНА (Лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, пансексуалы, педофилы, агендеры и полисексуалы, неосексофилы, асексуалы).

Страх полностью сковал душу и мысли мужчины. И сейчас он стоит, полный растерянности и дрожи и бешено гоняет мысли, думая, кто к нему идёт, чтобы свершить неумолимое правосудие «свободного» мира. Отряды Феминистского Надзора за Обществом, сотрудники Корпорации или кто похуже. Появилась лёгкая дрожь в коленях и коварной змеей пробежался холодный пот по спине.

И так каждый человек от зари до зари, не похожий на всё вырвавшиеся из ада должен был жить в страхе перед неминуемой карой за недостаточную либерализацию. Именно таков стал удел той части мира, которая называла себя «Территорией свободы» или Либеральной Капиталистической Республикой.

Часть первая. На задворках свободного мира

Глава первая. Шаг из дома – шаг во мрак

Солнце медленно, будто взбирается в гору, встаёт из-за края земли, постепенно разгоняя нависший мрак над городом, что правил целую ночь. Теперь он рассеянный солнечными лучами уступает место яркому светилу, что взбирается на небесную твердь.

Постепенно солнечные лучи проникают повсюду, в каждую щёлочку, каждый уголок, призывая жителей города отпрянуть ото сна и приступить к работе или учёбе. Но светило даже не могло представить, что его яркие и игривые лучи, озарявшие землю миллионы лет, уже не несут призыва на этой земле к какой-либо деятельности, как то раньше было заведено.

Поток солнечной энергии, обращённый в тёплый свет, развеяв ночную сырость и неприятную прохладу, уже проник в одноэтажное строение и крадётся по комнате. Однако прежде чем свет достиг нужного места, на весь прозвучал будильник, чей дикий рёв пронёсся чуть ли не по улице.

– Да знаю, знаю, – послышался сонливый голос, но уже наполняемый бодростью, исходящий со стороны кухни.

Тут же к будильнику подбежал парень, одетый в весьма приятную молодёжную одежду. Его рука коснулась электронного устройства, аккуратно встроенного в пластиковую белую коробку и ревуший звук стих. И тут же будильник снова положен был на деревянную тумбочку.

Юноша осмотрелся, желая вновь увидеть недавно приобретённую квартиру в целом доме. Это была его собственность... собственность...

Молодой парень не мог свыкнуться с мыслью, что у него теперь такая масштабная собственность, целый дом, хотя с другой стороны гордиться тут было нечем. Миниатюрная комнатуха, примерно пятнадцать квадратных метров, где шесть отделены искусственной стенкой под кухню, чтобы хоть как-то создать имитацию нормальной жилплощади. Да и ко всему этому небольшой туалет, где еле как уместается маленькая ванна. Однако для студента второго курса это даже достаточно и даже больше. Парень, оглядев комнатуху, и усмотрев весь возможный интерьер, представленный лишь небольшим шкафом, кроватью, письменным столом с компьютером и шершавым ковром под ногами, решил пойти побриться. Но тут же словил себя на мысли, что вся его мебель практически заняла все стены, кроме той в которой расположилось широкое окно.

Юноша зашёл в туалет. Слева маленькая ванна, над которой нехитрая полка с мыльницами и принадлежностями, впереди унитаз, а справа на стене сразу зеркальце. Даже нельзя было развернуться, ибо сами стены сдавливают пространство.

Парень, крутясь на месте, повернулся к зеркалу. На идеально ровной зеркальной глади тут же проступили черты лица юноши. Прямые сильно коротко подстриженные волосы были слегка растрёпаны и лишь слегка покрывали высокий лоб. Карие глаза, чей глубокий взгляд смотрел прямо в душу, глядели сами на себя. Из аккуратного носа вырывается сопение. Само лицо имеет очертание овала, лишь приплюснутое снизу.

Сам студент достаточно высок, но идеальным телосложением не отличался, что не мешало ему заниматься спортом.

Парень, посмотрев в зеркало, потеряв подбородок и почувствовав щетину, которая лишь слегка проступила, отбросив желание бриться. Он вышел из туалета и потушил свет. К душе стала медленно подступать апатия и печаль.

Тут, а него вновь напала тоска по отцу. Несмотря на прелести свободной жизни, ему в последнее время просто не хватало обычного душевного общения, которое было между ним и отцом. А довериться сверстникам юноша не решался, ибо в том мире, в котором он живет, нет места для доверия.

Юноша, стоя посреди комнаты, неожиданно для себя впал в воспоминания, которые терзали его последние несколько дней. Его разум наполнился картинками минувших событий прошедших дней. Разлука с семьёй и тем более отцом ему больно далась, несмотря на целый прошедший год.

Парню было семнадцать лет, когда его разделили с семьёй и принуждённо направили на обучение в один из частных институтов имени Ларса фон Штилля, одного из членов Конгресса «Южного Потока», ещё одной огромной Корпорации, что удерживала юг страны, который и вложился в создание ВУЗа, но даже то, что юношу определили в один из самых престижных институтов, не умоляло той сердечной раны, что жутким шрамом встала на сердце.

Это случилось в один из последних дней летнего времени. Ничего не предвещало пакостной беды. Парень жил тогда в одном из самых примечательных владений нового государства, что одурманившись идеей безумного федерализма позволила своим субъектам жить так, как они того хотят. Юноша с семьёй был гражданином Норманнского Свободного Княжества, что располагилось на северо-западе бывшей Франции. И в один из солнечных прекрасных дней, разорвав полуденное спокойствие, они пришли.

Это была целая свора разукрашенных псов из правительства и общественных организаций. Даже не людей, а именно голодных собак, что так жаждали получения новых страданий от чужих людей.

Сначала в дверь постучали. Её открыл отец семейства, чем позволил в дом нахлынуть целую волну на вид нездоровых людей. Каждый вошедший был одет пёстро, разноцветно, словно на карнавале и тут начался сам спектакль.

Первым его решил открыть мужчина, облачённый в классический костюм розового цвета и с волосами, завязанными в шнуры. Его лицо умащали массивы пудры, а на глазах поблёскивала тушь. Он представился сотрудником Гранд-Ювенального управления и сразу же отметил свою нехитрую цель – забрать юношу из семьи. Все члены семьи были ошарашены, а следом пришла и тяжкая боль в сердце. Мать сразу же возмутилась, но её пыл быстро остыл, когда из-за спины вышла высокая мужеподобная крупная женщина, одетая в классический клоунский костюм – с париком, разноцветный и сумасбродным макияжем.

– Ваш ребёнок виновен в страшном преступлении, – нагло заявила женщина. – В его школьном поведении виднеются тенденции к старым и, как их раньше называли – традиционным ценностям, иначе, ваш ребёнок обвиняется в тоталитарном традиционализме!

И как только женщина договорила, из толпы послышался голос полный недовольства, наглости и безумной спеси и к тому же безумно противный:

– Наш мир свободных ценностей не потерпит такого! Чтобы кто-то смел, пускай даже в мыслях и словах, покушаться на наши свободы, да не бывать этого! Ваш щенок преступник!

– Объясните, что тут происходит, – спокойно потребовал отец семейства.

Тут из толпы подался хиленький на вид парень. Он был низок и худощав, а одежда, представленная жёлтым костюмом, как у арлекина, повисла на нём подобно мешку.

– Я Миранда, – грубоватым мужским голосом начал человек, – юристка, приписанная к Антисексистскому Княжескому Управлению, позвольте мне пояснить, что произошло, в канве закона.

– Хорошо, – бессильно кинул отец.

Тут вышел другой человек, полностью одетый в латексный костюм, и только кожаная жилетка покрывала его тело, помимо остальной чёрной материи.

– Я школьная учительница вашего отпрыска, – спокойно начал человек, но тут же перешёл на более резкие тона. – Вчера, он имел дерзость заявить, что хотел бы, когда вступит в отношения, то именно в отношения с девушкой и однополые браки и свадьбы с вещами не приемлет для себя.

И тут, как назвала себя, юристка, тихим и спокойным голосом пояснила, в чём пресловутое правонарушение:

– Это прямое и самое грубое нарушение Федерального Закона «О привилегиях ЛГБТ-ПАиПНА», а именно раздела четвёртого – «Преступления против возможного становления ребёнка одним из ЛГБТПАиПНА». А также прямое нарушение Брачного Кодекса, раздела шестого – «Преступления против брака». Статья третья – «публичное выступление против сожительства и вступления в брак с неодушевлёнными субъектами права и вещами».

– Так же он говорил, что представительницы женского пола слабее физически и хотел бы, чтобы его, как он выразился – избранница, сидела дома и следила за хозяйством.

– Ну а здесь он нарушил несколько статей Феминистского Кодекса, говорящих о независимости и физическом равенстве мужчин и женщин, а именно – раздел второй – «Покушение на физическую независимость женщины» и раздел первый – «Опаснейшие преступления против равенства», статья первая – «Непризнания абсолютного равенства». – Так же бесстрастно и спокойно прокомментировала юристка.

– Ну и наконец, самое страшное и мерзкое правонарушение вашего подонка...

– А то, что она называет моего ребёнка «подонком» нормально? – возмутился отец.

– Свобода слова! – воскликнула юристка.

– А если я её... обматерю или унижу?

– Это будет уже оскорбление чувств либерально-прогрессивных «вестников свободы».

– Тише... так вот, он посмел заявить, что наша Конституция является в доработках.

– А здесь нет правонарушений, – неожиданно заявил мужчина, считавший себя женщиной.

– Как нет!? – громогласно удивилась учительница. – Это же сомнение в Конституции!

– Ладно, хватит, – оборвал набирающую силу тираду служащий Гранд-Ювенального Управления и, повернувшись к отцу семейства, задал вопрос. – Вы кто приходитесь ребёнку?

– Я папа, отец.

Служащий управления лицо обратил в гримасу отвращения, словно попробовал на язык кислый лимон.

– Ну, вы же знаете, что эти слова не одобряются в нашем обществе. Это может обидеть феминисток, ЛГБТПАиПНА и все остальные гендеры или идейные представительства о семье и особенно это оскорбляет членов антисемьи. Поэтому, не нужно. Не следует себя так называть. Именуйте себя как Родитель Мужеподобного Гендера.

– Но в законе, же нет прямого запрета на эти слова, – возмутился отец.

– Просто, не нужно, – чуть искривив губы в кривой улыбке, начал слуга Управления и продолжил. – Я пришёл вас известить – у меня повестка в суд.

Мать, от услышанного упала на диван, а слуга бесчеловечной системы, что именovalo себя «добром» и прикрывалось благими намерениями, продолжил:

– На вас подали коллективный иск в суд следующие федеральные службы: Министерство Феминизма и его Антисексистское Управление, Гранд-Ювенальное Управление по этому же субъекту, Министерство Свободы и его управление Подавление элементов «вредящих свободе». Также, к ним присоединились следующие региональные органы: Министерство Свободы и Министерство Феминизма Норманнского Демократического Княжества, и все их управления, – и чуть выдохнув, слуга Управления, желая поскорее закончить эту фантазмагорию, продолжил. – Ну а также к ним присоединились: «Союз ЛГБТПАиПНА», «Феминистское содружество», «Антисексистская ассамблея» и «Комитет по правильному воспитанию».

И после того, как список всех недовольных был оглашён, человек из Управления подал повестку и попросил расписаться. Когда отец семейства ставил подпись, один из собравшихся, исказив голос в неимоверно противном и писклявом голосе, выкрикнул:

– Будете знать, суд встанет на нашу сторону! Вы больше не посмеете покушаться на нашу Свободу! В нашем идеальном мире нет места старым и архаичным ценностям! К чёрту мораль, у нас свобода, товарищи!

Работник Управления проигнорировал эти всплески эмоций и продолжил свою работу, заговорив уже более мрачным и тяжёлым голосом:

– А теперь, на основании Федерального Закона «О защите детей от противодействия вредоносным идеям» и Княжеского Указа «О соответствии стандартам свободы», вынужден изъять вашего ребёнка.

Эти слова пробежали подобно грому среди апрельского неба. Мать забилась в истерику и буквально умылась слезами, отец попытался воспротивиться, но понял – одно лишнее движение и его могут посадить за «Противодействие процессам свободы и справедливости». Он отступил.

И напоследок одна из женщин, наполненная гордыней и спесью, кинула старую, как кости земли фразу – «Встретимся в суде».

Юноша покинул собственный дом в семнадцать лет, за неосторожно сказанные слова, ведь как оказалось, мир свободы, и толерантности готовы были защищать целые легионы, которые порвут и сотрут в порошок всякого... во имя добра, конечно.

Потом был суд, проходивший в здании Муниципального Суда Сообществ. Да, Министерства и Княжеская Администрация решили отдать судебное разбирательство в отросток гражданского общества – Суды Сообществ, обойдя стороной государственный учреждения.

Естественно этот суд был с полнейшим разгромом проигран семьёй. Юноше становилось противно от одних воспоминаний об этом деле. А потом, по решению суда, ему Корпорация, которая искала кадры для себя, выдала дом в совершенно ином субъекте страны – Южный Диархат.

Парень был вынужден заключить соглашение с Корпорацией, что после обучения в ВУЗе он пойдёт работать на них, иначе юношу ждала судьба брошенного на произвол судьбы, и его единственным шансом на выживание стало бы присоединение к одному из сообществ, что он так ненавидел.

Его родителей было принято решение выслать из субъекта. Отец сразу нашёл для себя не престижную работу на отшибе всей страны – в Восточной Бюрократии, что образовалась на месте старых государств финляндских.

Парень подловил себя на мысли, что всё это похоже на безумную сказку без конца, в которой он вынужден жить и даже университет был нечто что-то оплота местных сектантов свободы, готовящихся объявивших образования Муниципальной Студенческой Республики. Да, статьи Конституции, говорившие об Абсолютном Самоуправлении, это позволяли.

Внезапно все размышления и воспоминания юноши были развеяны второй волной истошного звука, исходившей от будильника. Это был сигнал того, что выходить из дома нужно через десять минут. Парень отключил устройство и решил скоротать время у телевизора, который, маленькой квадратной пластиной расположился в самом углу.

Парень быстро подошёл к дивану, поднял пульт, и скоротечно нажав пару кнопок, активировал устройство, отчего экран телевизора заиграл красками и стал издавать звуки вступительного музыкального сигнала, извещающая о своей исправной работе.

И всех каналов, которых было не менее чем пятьсот, юноша остановился на местных новостях. Он пропустил телепередачи, которые рассказывали о правильном гендерном воспитании трёхлетних детей и кинофильмом, где показывали «славу и величие» тех, кто считал себя сторонниками «Культа Чайлдфри».

Фильм таки пропитался ненавистью к детям. Показывают пятнадцать представителей чайлдфри, что яростными проповедями и фанатичными речами отговорили тринадцать тысяч женщин от родов, ведя их на аборт. Но больше всего они кичатся своим званием «Героев общественного освобождения».

Юноша переключил на другой канал. По новостям опять показывали якобы нищету и неспособность властей к управлению. Ведущая прицепилась к зданию, у которого посыпалась с одной стороны штукатурка и сетью небольших трещин укрылась стена. Как же ведущая с остервенением ругала муниципальное правительство и чуть ли не с брызжащей пеной изо рта, на всю студию голосила о том, что необходима смена власти на более либеральную и демократичную, дабы народ смог лучше жить.

Юноша вспомнил, как муниципалитет решил на собственные скудные средства отремонтировать старое здание местного отделения Конфедерации, которое практически пришло в негодность. И он свершил чудо, восстановив эту постройку вернув её в былом блеске, выдержав её в готическом стиле. Но сейчас его преисполнило отвращение от местных новостей, которые не были, ни государственными, ни муниципальными. Практически все телеканалы – частные или принадлежат отдельным сообществам. И вся эта ватага попросту выдавила своей массой всё, что было либо государственным, либо муниципальным. Да ещё и согласно Федеральному Закону «О приоритете частного сектора в информационной сфере», все государственные каналы намеренно выдавливались всеми остальными без возможности на восстановление. И пятьсот местных каналов, ни шло, ни в какое сравнение с миллионом, которые существует и вещают в центре государства, что именовалось «апофеозом свободы» или «Центром». Там каждый может пролезть на телевидение через широчайшую сеть и ассоциации систем телепередач.

Внезапно парень усмехнулся, и на его тонких губах расцвела улыбка. Он вспомнил, как по этому поводу высказался его школьный учитель, ещё старой закалки:

– Телевидение превратилось в портовую девку, что пропускает через себя каждого моряка.

Однако потом этого учителя арестовали и отстранили от проведения уроков. Ему вменяли «Приниженное отношение к телодателям» и «Намеренное оскорбление гендера женского типа или женско-ориентированного гендера». Его обвиняли в том, что проститутку он назвал проституткой, а женщину девкой и затем потом, вся эта фантазмагория бреда, в котором пытались защитить чьи-то права, вылилась в дело уголовное. Учителю стали приписывать статью за «Публичные сомнения в курсе либерализации».

Юноша, прокрутив это в голове, почувствовал тошнотворные ощущения от того мира, где он живёт. Ещё раз. У него голова кружилась от того, что каждый день гоняют по телевизору, как государство, несчастное и забитое, отбирает у народа шанс на благополучие и вырывает у них права, но ни один телеканал не посмел выступить против Корпораций, которые, по сути, приватизировали всё, что можно было купить, обменять или продать.

Тут парнишка подловил себя на мысли, что нужно выходить из дома. Он быстро подбежал к двери, натянул на ноги туфли, быстро надел джинсовое пальто и свершил жест, который считался «Знаком свободоненавистников» – сложил пальцы и перекрестился правой рукой.

Юноша собрался с духом и внял ко всем душевным силам, ибо за порогом его ожидает мрак, ошетинившийся безумием и оскалившийся самым хаосом. За порогом его алчет на растерзание Гражданское Общество.

Парень открыл дверь и тут же, пройдя через порог, захлопнул её на ключ и поспешил побыстрее оказаться в университете.

Юноша как можно быстрее вышел на улицу, предварительно заперев и калитку забора, окружавшего дом. На улице был прохладный и чуть промёрзлый воздух, сочетаемый с лёгким ветерком.

Тут же его встретил мужчина, одетый в костюм, разукрашенный в чёрно-белые ромба, и только зрелое лицо оставалось вне этой пытки для глаз.

– Вы уже уплатили за право пользования этой улицей? – настойчиво спросил мужчина.

– Что, простите? – из вежливости, наполненной недоумением, переспросил юноша.

– Согласно Закону «О всеобщем рыночном становлении» и концепции «Развитого Либерализма» эта улица была вчера приватизирована у муниципалитета и теперь принадлежит Обществу Улиц города Микардо.

Парень готов проклясть правительство и парламент, которые «во имя идеализации» общества и страны, руководствуясь «идеалами рыночной экономики», решили передать в частные руки чуть ли не жизни граждан. Но бессилие взяло верх и парень, чувствуя хандру и слабость, вынужден заплатить. Он завёл руку в карман и достал несколько сверкающих золотистыми тонами монеток.

– Сколько с меня? – прозвучал вопрос, полный хилости.

Коварно улынувшись, человек, словно смакуя, ответил:

– Ну, либо два Федерала, либо двадцать тысяч сто пятьдесят диариев.

Парень положил монеты в карман и тут же вынул толстую, примерно с небольшую книгу, пачку денег и протянул их человеку.

– Тут двадцать пять тысяч диариев, бери без сдачи.

– Вы так щедры, милостивый господин, – взяв пачку и начав пересчитывать, исказив голос в больной радости, сказал человек.

Тем временем парень просто развернулся и пошёл в собственный ВУЗ, решив поскорее уйти от придатка нового мира.

Улицу, по которой юноша спешно пошёл, со всех сторон окружали высокие здания, выкрашенные с самые различные цвета, от розового до голубого, от белого до чёрного. Порой нижние части зданий были разрисованы граффити и непристойными рисунками. А также, временами, фасады были увешанными сами разнообразными объявлениями от предложения работы до приглашения на собрания очередной из сект.

Парень, проходя сквозь град, не замечает, что на зданиях. Сейчас его разум берёт бессильная злоба. Дикая инфляция в регионах просто убивала всяческое самостоятельное развитие. Уповать оставалось только на Корпорации, которые приватизировали и сами деньги. Корпорация «Монетно-Финансовый Двор», пододвинув правительство, приватизировало печатные станки и теперь выпускает валюту, как фантики, по своему усмотрению и во имя многотриллионных прибылей обваливая целые рынки. И Федералы – основные монеты страны есть наиважнейшая собственность этой Корпорации и по своему номиналу в несколько, а то и десятков тысяч раз превосходит валюты регионов.

Но помимо этого, тоталитарная приватизация сжигала всё. Парень тут же вспомнил свою знакомую. Это была старушка, лишённая пенсии за «Противодействия процессам свободы». Хотя она своей внучке, которая призналась семьей, что она – лесбиянка, сказала, что та ещё найдёт нормального и хорошего парня, однако ни к чему хорошему это ни привело. И теперь единственным заработком на жизнь этой старушки оставалась работа дворником на улицах, но сейчас навряд ли Сообщество ей позволит мести улицу, и она вскоре пополнит легионы безработных и нищих, так как содержать старушку слишком накладно, а «нет ничего ценнее прибыли, ибо даже человека можно монетизировать», как утверждают в Корпорациях.

Парня берёт злоба, да и самое противное – он даже не мог её никак выразить, ибо все те, кто «за свободу» порвут его в клочья «во имя добра и справедливости». У них у всех давно на этой почве снесло крыши и любого, кто, что имеет против свободы, они готовы сжигать в крематориях. Таков теперь новый мир «идеальной свободы».

Юноша пытается просто идти по улицам и не думать о происходящем. Он механически передвигает ногами, словно робот, и разглядывать улицы, смотря за происходящим «актом самоустройства».

Повсюду ходят люди, одетые как клоуны или безумцы. Так бы показалось любому, кто не жил в этих «славных землях». Топик на мужчине, сапоги под подмышку, одежда из мусора и ещё миллионы вариантов сумасбродных стилей одежды, безумным океаном текли по улицам этого городка.

Почти каждый, ведомый «формированием индивидуальности» пытается улучшить собственное тело. Некоторые прокалывали себе все части телесной плоти, оттягивая её до состояния такого провисания, как щёк у бульдога. Кто-то наносил странные татуировки, имитирующие половые органы. Ну а самые безумные настолько себя «преображали», что вовсе теряли человеческий облик.

На улицах стояли сотни активистов причислявших себя к «Гражданскому Обществу». И стояв целой россыпью, эти активисты пытались красивыми лозунгами завлечь к себе.

Феминистские патрули, разукрашенные как древние кельты, ходят и наводят страх на любого мужчину. Не дай Бог на какую-нибудь девушку кто-то подолгу засмотрится, то на него тут же набрасывалась толпа феминисток и спешила повязать за «Визуальное домогательство».

Сторонники ЛГБТПАиПНА бродят по улицам целыми бандами и пытаются научить пойманных детей «правильной ориентации». В красках, они рассказывают, как нужно любить свой пол, а порой даже стремились показать это. В городе есть целые «Зоны визуального сексуального воспитания», где в бесконечном совокуплении с собственным полом люди показывали, как и кого нужно было любить. И родители, начиная с двенадцати лет, в обязательном и установленном законе порядке просто должны водить своих детей в эти «Зоны», что там они учились правильно воспринимать свой пол.

Приверженцы чайлдфри целыми роями, удерживая в руках красочные плакаты и выкрикивая оглушительные лозунги, стремятся убедить всех в одном – дети это плохо. Прямо на улицах, если они встречают беременную девушку, то практически насильно могут заставить её сделать аборт, чуть ли не утаскивая в клинику. Упаси Господь появиться человеку с грудным ребенком возле этой толпы.

Парень, идущий в институт, сразу припомнил один случай, когда ещё жил с семьёй. У его соседей был маленький ребёнок и когда у него стали резаться зубы, что естественно сопровождалось ором и гулом. Но так было недолго. В местный Муниципальный Суд Сообществ поступила жалоба от соседей сверху, и на этой иеремиаде стоял целый скоп подписей местного сообщества детоненавистников. Банда чайлдфри жаловалось, что ребёнок мешает им отдыхать и работать, а это права, гарантированные Конституцией. И Суд постановил – ребёнка изъять... «раз он мешает реализовывать права, гарантированные самой Конституцией», как было сказано в приговоре. Судью и обвинителей, что стояли с каменными сердцами, не смогли убедить ни красноречивые слова, ни слёзы родителей, которые бились чуть ли не в истерике.

Юноша не понимал, как во имя свободы, можно так оскатиниваться и попытаться подумывать. Но на его пути тут же возник седой и зрелый человек, одетый в лиловую рясу, чем развеял все размышления. Под руку он вёл двенадцатилетнюю девочку. Парня чуть не стошнило, ибо он знал, что это местный служитель Новой Церкви, которая проповедует либеральный образ жизни, и это священник-педофил и куда он вёл ребёнка, становилось понятно. Однако через пару секунд тут к нему подбежала женщина и со всего размаху влепила оплеуху священнику. Смачный звон шлепка пронёсся по всей улице. Сила удара такова, что мужчина чуть не падает на землю. Он пятится, на его лице ширится злоба, а в глазах повисло дикое безумие.

– Твари антилиберальные! – кричит церковник. – Я на вас в Культ Конституции напишу!

«Священник» угрожает и машет кулаком вслед дочери и матери, буквально убегающих от него.

Юноша понял, что это была мать девочки, но ему страшно стало за женщину. Теперь ей светят статьи за «Предотвращения процесса сексуальной самореализации ребёнка» и со временем за дитятей этой женщины придут легионы служителей Гранд-Ювенального управления и попросту вырвут у неё ребёнка.

– Новая Церковь, – шёпотом начал парень и с гневом добавил. – Надеюсь, вы все окажитесь в аду.

И поводов ненавидеть эту организацию, что стала наследницей свободного протестантизма, было много. Предав веру в единого Бога, она слилась с новым свободным миром. Теперь церковь не говорила словами Спасителя и не призывала к верности, целомудрию, послушанию и иным постулатам. Библия и все священные книги в этой стране были переписаны с пожеланиями всех кого только можно, дабы не обидеть меньшинства, что давно стали опьянённым безумием большинством. После давления в парламенте легионов феминисток, божество признавался наполовину мужчиной, и наполовину женщиной. Всё священное было поправлено. Разнузданность и похоть, принимаемые за идеальную свободу, взяли верх над этим миром, чёрными буквами вписавшись в «Либертат-Библию».

И эта Церковь освящает всё что можно было, если ей заплатить или уговорить речами о «Свободе-во-Боге». От однополых браков до браков с вещами, вплоть до создания антисемей с тридцатью членами. Священники не имели права что-то сказать против, ибо за это может наступить ответственность.

Однако ни ЛГБТПАиПНА, ни чайлдфри, ни Новая Церковь не были такой угрозой и не превращали в жизнь, так как это делали они. Новая инквизиция либерального мира, чьё имя было, есть и будет почитаемо всеми безумцами – Культ Конституции. И идя по улице, юноша, прежде всего, боится встречи с этими фанатиками основного закона страны.

Парень, всегда, когда выходил за порог дома, знает, что делает шаг в мир мрака, где царит тоталитарная свобода, уничтожающая всякую мысль, противоречащую «Свободе», что по улицам и площадям его города ходят тысячи активистов, готовых рвать и кусать за собственные права любого, кто их нарушит. Таково невежество нового мира.

Он прекрасно понимает, что ситуация с плескающимся безумием на улицах его города не так страшна, как в других регионах, но она становится всё хуже и конца этому сумасшествию нет и не будет. Парень живёт в мире, где свобода это похоть и умопомешательство, где люди одеваются, как пациенты психиатрии в давно минувших временах.

Юноша испытывает каждый день тремор при выходе за порог и, что на улице нужно быть осторожным, ибо его слово может обидеть или задеть права кого-то из сотен сторонников самых различных идейных дурачков, одержимых свободой. И больше всего он боялся Культистов Конституции, которые могли за любое противление главному закону страны собственноручно упрятать за решётку, ибо получили власть «правоприменителей от гражданского общества» вызовет. Никто не может сомневаться в Конституции, так как «она защищает права и даёт свободу», а значит – непогрешима.

Дорога медленно подошла к концу и в одно мановения ока парень тут, же отбросил все размышления, когда дошёл до университета. Ему теперь нужен был только чистый разум и трезвый ум. ВУЗ представлял десятиэтажную постройку на отшибе города. Само строение располагается буквой «П» и имела огромную прилегающую территорию.

Юноша подошёл к высокому забору, и пошёл ко входу. Там он встретил своих сокурсниц, которые подрабатывали телодателями, иначе говоря – проститутками. Закон, ориентирующийся на «свободу», позволял этой работой заниматься прямо в ВУЗе, в целях «укрепления малого бизнеса».

Парень прошёл мимо них, смеющихся, красивых, разукрашенных и так манящих, отдаться за несколько Федералов. Но юноша проигнорировал их, пройдя, наполнившись бесстрашием и безразличием к этим живым игрушкам. Парень направился прямо к входу в ВУЗ.

Там было ненамного спокойнее, чем в городе, но тут его хотя бы будут окружать друзья и знакомые, а не неизвестные безумцы.

Корпуса института, сжимали пространство, образуя обширный и массивный внутренний двор. Несмотря на устоявшиеся десятилетиями торжество свободы, и укоренившийся идеальный мир, этот университет чём-то оставался непохожим на происходящее. Он сер и статичен, преисполненный монументальностью. Стены его не выкрашены, как палатки цирков, а пресловутая «свобода» удерживалась законами Муниципальной Студенческой Республики, полностью прикованной к воле Корпорации. И это вызывало дикое недовольство в бурлящем мире событий и развития. Все, кто только можно было присматривался к этому ВУЗу. Орды ЛГБТПАиПНА стремились там устроить свой ковен и превратить это место в ещё один оплот «нового чудного мира». Феминистки алкали привнести туда больше равенства. И ещё десяток организаций в городе, одержимых свободой, желали наложить лапы на институт.

Однако пока он под покровительством Корпорации всему тому, что зовёт себя Гражданским Обществом, путь закрыт и ректор сдерживает принципы «идеального мира равноправия и свободы», которые спешат в эту глубинку. Но надолго ли?

Глава вторая. Вечное проклятье или жизнь на службе государства

Тем временем на территории бывшей Финляндии.

Морозное солнце медленно шествует по небу, ступая от границы горизонта на востоке. Но солнечные лучи не несут тепла или жары, ибо в этом замороженном месте уже выпал снег и завалил все строения по самые окна. Лазурное небо, прерываемое целой россыпью белоснежных облаков, просто сияло бирюзой, источая странную чистоту для этих дальних мест.

Несильный ветер шустро гуляет по здешним местам, взметая вверх монолитные стены, состоящие из сверкающего на солнце снега. Целые яркие серебряные вихри, состоящие из сияющих снежинок, заполнили всё далёкое поселение.

И сверкающее холодом солнце, и блистающий лазурной бирюзой небосвод, и шальной игривый ветер: всё это в своей красивой апофозности, при диком и невообразимом холоде воцарилось над северо-востоком тех земель, что раньше звались Финляндией.

Теперь это не государство финнов и даже не то, что было им во времена Великого Континентального Кризиса. Сейчас эта земля подобно тяжёлому ярму носит другое имя, совершенно серое и удручающее, обрекающую всякую надежду на гибель.

Во времена кризиса воин и раздоров энтропия история и падения европейских стран своей костлявой рукой коснулась и этих земель и над ними заполыхали огни воин и бед, а затем целая вереница безликих событий. Но настал момент объединяться. На всей территории власть взяли управленческие центры, распорядившись тем, что осталось от некогда процветающей державы. Эти центры, почуяв неизмеримую силу, и как их наполняет воля к управлению, взяли всё правление и все виды власти в свои руки. Неоспоримые узлы абсолютного управления схватили все возможные роли во власти, которые только можно представить. Они стали и парламентами, и судами, и правительством в одном лице, но самое главное, что именно эти административные оплоты контролировали всю жизнь населения: от составления списков рождения, до выдачи паспортов.

И смотря на всю эту гротескную и огромную машину, ей дали мрачное название, полностью соответствовавшее действительности, – Восточная Бюрократия, которое сохраняется по сей день. И это полностью оправдано. Всю власть на территории удерживал огромный бюрократический механизм, он и определял, и регулировал жизнь населения, а над всей системой воцарилось двадцать министров, что играли роль и верховного суда, и главного правительства и высшего законодательного органа.

Двадцать министров, во имя сохранения власти на собственной земле, и ведомые желанием присоединиться к чему-то огромному и великому, лично присягнули Либеральной Капиталистической Республике, признали право на подчинение приказам от Отдела Регионально-Федеральной Координации, что стремилось объединить столь разнообразную страну, в нечто единое. И пользуясь Гранд-Федеральным Законом «О федеративном устройстве», двадцать министров стали править, как и прежде, не меняя формы правления внутри субъекта, лишь проводя идейную политику федерального центра, а множественные общественные общегосударственные органы и службы органично вписались в этот гротескный бюрократический механизм, отчего он стал ещё монументальнее и ужаснее.

И в одном из дальних городов, где располагается один из самых маленьких центров управления, которые ещё именовали – «Административный Узел», живёт тот, кого сослали за слишком большую любовь к собственному ребёнку.

Этот человек усердно работает чиновником в гигантской казённой машине, накрывшей плотной сетью Восточную Бюрократию. Он чётко исполняет свои обязанности ответственно и старался не лезть в политику, которой здесь было как навоза в коровнике.

Сей мужчина влачит жалкое существование на самом отшибе субъекта, которому он служит. Каждый его день начинается в шесть часов и заканчивался в девять вечера. А деньги, за которые он работал, для государственного служащего, были лишь мечтательной условностью.

Мужчина был отправлен в небольшой городок, который раскинулся удивительно квадратной формы, в большинстве состояв из обычных серых, как здешняя действительность, зданий. Каждая постройка практически идентична другим, в своей серости и форме. Такая же серая, десятиэтажная, как и иные сооружения в этом городе. Только несколько иных зданий, принадлежащих Корпорации и общественным движениям отличались по форме и красочности, маня и издеваясь своей раскраской и помпезностью.

Однако над всеми ними, на целых двадцать этажей вверх, стремясь под небо и на десять этажей вниз, вгрызаясь в замороженную землю, уходит постройка. Монументальная, серая и грозная, словно сестра культополисария, что в Автократорстве Рейх.

И каждый божий день слуга своей страны, как и миллионы иных, беззаветно и мужественно исполняет собственный долг, несмотря на то, что работа была сущим адом.

Сейчас мужчина расположился в собственном кабинете, что зиждился на десятом этаже.

Кабинет представляет собой четырёхугольную бетонную коробку, без каких-либо обоев, только безликая краска толстым слоем накрывала холодный бетон. В конце кабинета, в стену врезано огромное пластиковое окно, зачастую становившееся единственным источником света, ибо старые лампочки, своим тусклым и слабым свечением могли за несколько месяцев монотонной работы сделать слепым любого.

Само рабочее место представлено большим столом, выполненным из дуба и покрашенного в бардовый цвет, канцелярией на нём, и кожаным креслом, что от старости готово было рассыпаться в прах. У широкого окна без штор, жалюзи или тюли, стоит размашистый рабочий стол, на котором целыми килограммами и штабелями лежит бумага. А под столом ещё десяток килограмм бумажной макулатуры, от которой зависела жизнь поселения.

У правой от окна стены расположился книжный стеллаж, полки которого забиты книгами, а слева находится старый и потёртый диван, обтянутый чёрной и местами выцветшей материей.

На самом кресле, у стола, в отчаянных попытках согреться, завернувшись в дублённую кожаную куртку, сидел мужчина. Рядом с ним на столе посреди столбов из самых различных бумаг, стоит белая кружка, из которой широким потоком клубился горячий пар.

Черты лица работника бюрократической машины далеко не северные и даже не финские, отдавая южной утончённостью. Чёрный, чуть засаленный короткий волос, лишь слегка касался уха. Утончённые черты лица придают лицу эффект вытянутости. Губы на таком холоде становились ещё тоньше, чем походили на узкие кинжалы телесного цвета. Подбородок и сама челюсть покрылись редкой щетиной и рубцами, подло оставленными затупившейся и поганой бритвой. В водянистых светло-голубых глазах словно пропала искра жизни, ибо они сияли лишь отчаянием и бездной.

Сам мужчина, сильно нагнувшись над прямоугольным столом, тщательно трудится над какой-то бумажкой, в которой собственноручно прописывал строки. Компьютера или печатной машинки в этом кабинете, как и в десятках других, не имеется.

И тут же хозяин кабинета оторвался от работы и прислонился к креслу. Проведя ладонями по шершавым и потрёпанным стенкам мебели, обтянутых бежевой кожей, мужчина взял кружку. В воде плавают несколько убогих чаинок, что всего лишь слегка раскрашивали воду и придавали ей далёкий, словно горное эхо, и практически неразличимый от воды вкус чая. Как

только он сделал пару прерывистых всхлипов горячей жидкости, то отложил кружку, наполненную непонятным раствором.

Владелец этого помещения опрокинул голову и тяжело выдохнул. Из его рта вырвались массивы пара, что устремились под белоснежный потолок кабинета, покрыв инеем лёгкую и неаккуратную щетину на лице мужчины.

Испарения знаменуют лишь то, что сегодня отопления в их «узле» решили не давать, отчего работа государственных служащих Восточной Бюрократии в этой части региона становилась похожа на сущий ледяной ад. Но и отказаться от неё нельзя было. Несмотря на скудную зарплату, работать, некуда больше идти.

Внезапно, массивная железная дверь с нестерпимым металлическим скрипом отворилась и, аккуратно ступая на бетонные полы, в кабинет зашло два человека.

Мужчина оторвался от небольшого отдыха и, протерев глаза, вежливо спрашивает:

– Здравствуйте, вас нечто интересует, что вы ко мне пожаловали?

Голос хозяина кабинета звучит довольно мягко, но, не теряя мужественности и внутренней силы.

– Приветствуем вас, – мягко говорит один из пришедших. – Это вы Эрнест Калгар?

– Да, – послышался уверенный ответ, и мужчина тут же тщательно осмотрел пришедших, всматриваясь в каждую деталь.

Первый – высокий под два метра молодой парень. Его покрывает длинный пуховик, сотканный из серых тканей, аккуратные брюки и очень дорогие для этих мест кожаные туфли. Лицо парня светлое нордическое и с довольно мужественными очертаниями. Вторым человеком оказалась невысокая девушка, укутанная в чёрное зимнее пальто. Она стоит на невысоких каблуках, что переходили в плотные кожаные сапоги. Голова девушки спряталась за белоснежным шарфом, что практически сокрыл её лицо, оставив на виду лишь прекрасные голубые глаза.

– Мы хотим расспросить вас про вашу работу, – тихо промолвила девушка.

– Я не знаю кто вы. Почему я должен перед вами отчитываться? – преисполнившись спокойствием, сидя на кресле, поинтересовался Эрнест. – Я вас в первый раз вижу и вы меня тоже и тут выпаливаете...

У парня, что является гостем, тут же в руках оказалась небольшая ксива, обтянутая в обложку цвета радуги без голубого, а после зазвучали слова, наполненные надменностью и самомнения:

– Мы представитель сообщества «Народное благополучие» и помощники Министерства Свободы, на основании Федерального Закона «О прозрачности государственной деятельности», прошу вас рассказать о своей жизни и работе.

– Да-да, – поддержала его дама. – Всё рассказать, вплоть до самых интимных подробностей! Мы же представители гражданского общества и мы для него должны вывести о власти всё.

– Что ж, – аккуратно запротестовал хозяин кабинета. – Я могу рассказать о своей работе, но не о личной жизни, так как она защищена законом.

– Да ну, – резко, заполнив пространство кабинета мерзким голосом, заговорила девушка. – Я из этого же управления, но только из управления развития свободы. И я скажу, что за вами, жалкими бюрократами, нужен строжайший надзор. Так что давай, представитель государства, говори нам, как в свободное время ты вредишь нашему гражданскому обществу!

– Почему? – строго спросил Эрнест.

– Потому что вы все сволочи и воруете наши деньги, – нагло заявила девушка и с большей спесью продолжила. – Ты же власть, ты не можешь иначе, такова твоя гнилая государственная натура. И во имя укоренения Свободы в этом регионе тут нужна более либеральная власть, – фанатично закончила девушка.

Владелец кабинета развёл руки в стороны, за ними потянулась его одежда, и дублёная куртка на фоне восходящего солнца засияла дырами и заплатками.

– Я похож на того, кто ворует? – отчаянно кинул мужчина и столь же тяжело добавил. – Может вы, господа, поработаете за продуктовые карточки? Как это делаю я.

– Во-первых, – грозно начала девушка. – Почему только «господа»? Или вы принижаете моё женское достоинство? Мне обратиться в Министерство Феминизма, чтобы вы вообще лишились работы за собственные слова? Во-вторых, – уже более спокойно зазвучали слова. – Почему все дороги заметены снегом, и мы не могли целых три минуты объехать сугробы? Почему «региональное Общество Капрофилов» до сих пор не зарегистрировано в реестрах? И когда, наконец, утвердят в правах «Молодёжный Управленческий Комитет»? Не уж, то они не могут принимать участие в управлении регионом?

Эрнест, справившись с внутренним негодованием, совершенно мирно и вежливо стал отвечать:

– Нашими всеми дорогами занимается акционерное общество «Северный путь» и именно оно не так давно выкупило все трассы у «Дальней Стези», и дороги в нашей части региона. Конечно, мы каждый день отправляем туда запросы и жалобы, но в соответствии с Федеральным законом «О рыночной либерализации» они могут с этими дорогами делать что угодно и как. Поэтому, к сожалению, мы не получили от них ни одного ответа на запрос.

И тут мужчина почувствовал благодарность тому, что работает в невероятно огромной волокитной бюрократической машине, где тысячи отделов и сотни управлений. Почувствовав внутреннее тепло и ощущения радости, от того, что он сейчас пустит этих «ревнителей справедливости и свободы» по бюрократическому колесу, мужчина, подняв тембр, заговорил:

– Что касается вашего «комитета», то согласно федеративному устройству, каждый регион правит так, как сочтёт нужным и в этом вопросе подчиняется только Отделу по Регионально-Федеральной координации, а поэтому отправляйтесь за разъяснениями туда. А насчёт регистрации «Общества Капрофилов», идите, пожалуйста, в отдел у-315 «Реестр некоммерческих обществ». Простите, но я занимаюсь только регистрацией и всем, что связано с индивидуальными предпринимателями.

– Да что за волокита! – вспылil мужчина и тут же перешёл в активную атаку. – Ты что решил тут задушить свободу своими бюрократическими уловками? Или тебя, сволочь, в суд затащить, за «препятствие благополучию народа»?!

И тут со стороны входа послышался полный силы, но сдерживаемый спокойствием голос, что прозвучал подобно грому:

– А вот оскорбляться не хорошо.

Сторонник сообщества резко развернулся к источнику неизвестного голоса и в его сторону выпалил фразу, о которой спустя мгновение пожалел:

– Ты, что мразь, решил мне препятствовать в делах активного гражданского общества?

Вошедший мужчина, облачённый в длинное кожаное пальто, которое тяжёлым плащом ложилось на жилетку с белой рубашкой. Его ноги облачены в отличные чёрные шёлковые брюки, а стопы надёжно укрываются под туфлями из драгоценной крокодильей кожи. А на голове зиждется прекрасная шляпа.

– Простите меня, пожалуйста, – мольбами разразился кабинет.

Неизвестный гость снял шляпу, и тут же на вид подалось довольно зрелое грубое лицо пожилого человека, от которого исходит волчий взгляд и неприятный холодец. Человек, сняв головной убор, почесал, покрытую сединой макушку, и заговорил:

– Что ж, за оскорбление тебе ничего не светит, так как согласно нашей Конституции, «в целях укрепления самовыражения, а значит свободы, оскорбления не являются преступлением, а способом самовыражения». Но вот твоё паршивое сообщество сидит на моём топливе. Поморозите задницы недельку, может, научитесь вежливости.

– Но... – захотела что-то сказать девушка, но её тонкий голосок был прерван мощным и грубым басом:

– А теперь вон отсюда.

Пыл и рвение этих людей, что решили «во имя свободы и благополучия» порвать слугу Бюрократии за свои идеи, быстро погасли перед тем, кто действительно оказался волком в кабинете. Его холодный, как арктический лёд взгляд сверлил двух «ревнителей», и бесцветные, словно камень, глаза неустанно следили за ними. Два человека, как будто в покорности, склонив головы, моментально покинули помещение, оставив после себя лишь плохие воспоминания, словно неприятное поветрие от канализационного зловония.

Как только дверь прикрылась, губы недавно вошедшего человека разошлись в широкой улыбке, и зазвучал голос, полный старческой бодрости:

– Эрнест, пройдоха, опять отражаешь нападки этих умалишённых.

– Да достали, – с толикой гнева начал обладатель кабинета. – Чуть ли не каждый день бегают сюда. Защищают свою «свободу, – с презрением окончил мужчина.

– Может тебе охранников выделить?

– А можно? – прозвучал вопрос, в котором промелькнула толика надежды.

– Всё можно.

– Да ладно, – выдохнул Эрнест. – Не стоит. Всё же без этих сумасшедших моя жизнь стала бы совсем серой, как и вся наша действительность. – И уже без всякой надежды заключил. – Эти организации, что несут «свободу и прогресс», слишком сильны и настойчивы, чтобы им противостоять.

– Послушай, друг мой, я представитель Корпорации «Восточное Единое Торговое Собрание», и для нас нет в этой части страны ничего невозможного. Можем, если нужно и усмирить.

В ответ Эрнест лишь бессильно сквозь боль улыбнулся.

– Я закурю?

– Конечно.

Член Корпорации тут же достал длинную сигару зажёл её, приложил к губам, став вдыхать табачный яд. Её аромат за несколько секунд полностью заполнил все уголки кабинета, а когда табак сначала хрустел от пламени, а потом ещё сильнее задымился, то душистое амбре сигары плотной завесой заняло всё пространство.

Мужчина в кожаном пальто присел на диван, и за ним собственное кресло занял Эрнест, смотря на собственного друга.

– Послушай, Эрн, а почему они к тебе зачастили?

– Ох, Матвей, ты же знаешь, что раньше я жил в Норманнском Свободном Княжестве. Там, мой сын за высказанное мнение попал под горячую руку той пубертатной своры, которая посчитала, что их права нарушены. Ну а потом и понеслась вся чехарда. В итоге, по решению суда я был отправлен работать сюда, на «благо» Бюрократии. И тут как-то прознали, за что меня сослали.

– За «неправильное воспитание, что попирает права сексуально просвещённых людей, неогендеров и феминисток».

– Оно самое. Но как узнали? – прозвучала вопросительная реплика, полная удивления.

– А разве ты не знаешь? Согласно Кодексу Слуги Государства, не помню, какая статья: «во имя блага народа и его священного права на информацию, личная жизнь государственного служащего может быть открыта и её все части становятся публичными, если того пожелают люди». Так местные сообщества, направив запрос, с этой формулировкой, в нужные места и тут же получили всю твою подноготную.

– Сволочи, – резко и отталкивающе прозвучало слово, в гнев сказано Эрнестом. – И поэтому, зная, кто я и за что сослан, они пытаются меня из ненависти достать? – И выдохнув,

мужчина сам закончил собственное рассуждение. – Что ж, они видят во мне «врага собственной свободы», не воспринимают само моё существование.

– Эрн, успокойся. У меня для тебя хорошие новости, – снова, со старческой бодростью, заговорил представитель корпорации.

Тут же в глазах служащего этого региона вспыхнула надежда, и зазвучал голос, её преисполненный:

– Какие?

– Как ты и просил, я проследил за Лютером. Вот что я тебе скажу: твой сын в полной безопасности, учится он довольно хорошо и на работу недавно устроился – обслуживает базы данных одной из соцсетей. В передраги никогда не лезет. И, что самое главное – придерживается того морального курса, который ты в него заложил.

– Вот это хорошо, очень хорошо, – взбодрился мужчина. – Спасибо тебе огромное. Я твой должник.

– А теперь расскажи мне, друг мой, как твои дела?

И тут зазвучали слова, наполненные горечью и сущим отчаянием, ибо жизнь чиновника, что регионального, что федерального в Либеральной Капиталистической Республике, была сущим кошмаром, а служба на севере, на задворках страны становилась адом изо льда и вечно гложущего голода.

Эрнест поведал, что питается он на продовольственные карточки, что практически ни в одном магазине не принимаются и на них в основном можно получить только небольшой запас дешёвых продуктов. Но даже эти продукты, согласно законам «О рыночной либерализации» и «О рыночных возможностях», становились самой настоящей отравой. Эти законы, в целях «повышения рыночных приоритетов, поддержки любого предпринимателя, снижения всевозможных барьеров и насыщения рынка товарным разнообразием», позволили частнику, лепить продукты из чего попало. И весь пищевой рынок в одночасье заполнялся такой гадостью, что кушать становилось невозможно.

Так, большинство мясных изделий стали состоять на девяносто процентов из синтетического вещества, во сто крат хуже сои. Растительная пища изготавливалась из специального пластика, а в хлеб стали добавлять муку из зёрен сорной травы.

Предпринимателей в этой сфере стало намного больше, и они стали активней, а это единственное, чего добивалось марионеточный конгресс, но действительность была намного страшнее. И даже на эти карточки и скудные деньги, которые иногда удаётся получать, не всегда можно приобрести простые продукты и вещи. Чаще всего у слуг «Бюрократии» не хватает денег даже на себя, поэтому никто не старается заводить семей, что и преследуют общества, «демократично контролирующие» жизнь «Узлов». «Нет права государственным вырождакам размножаться, ибо они противостоят самой сути свободы», как вечно заявляют в сходках чайлдфри, которых поддерживает федерация и Культ Конституции, вечно потакающий любой волной выдумке гражданского общества.

А на этом фоне, согласно Архизакону «Об общественных приоритетах», всю социальную помощь от государства получали ни нищие, ни инвалиды и даже не государственные служащие. Она была направлена на «героев капиталистического труда» и «активистов гражданского общества», именуемых «Вестниками Свободы», ибо они учувствуют в деле утверждения свободы и демократии.

Эрнест, чуть не ударившись в слёзы, поведал другу, что только чудом не заболел пневмонией или воспалением лёгких, из-за того, что работает в замороженном здании, а денег на тёплую одежду не хватает. Тем временем местный «Узел», из-за нехватки топливных ресурсов вынужден отказываться от отопления в пользу пресловутых субъектов «гражданского общества». Если хоть кто-то посмеет посягнуть на их комфорт, то того просто порвут, и осудят по статьям: «преднамеренное действие против субъектов несущих свободу» и «активное проти-

водействие гражданскому обществу». И поэтому местное отделение «Северного Союза Транс-гендеров», городской отдел «Всефедеральной Ассамблеи Феминисток» и ещё несколько «субъектов свободы» сидят в тепле и полном комфорте, а слуги Бюрократии в этом городе обречены на множественные обморожения и болезни.

Хозяин кабинета рассказал, что за последний месяц уже пять его сослуживцев умерли от воспаления лёгких и трое от гайморита. Лечение в местной больнице им оказалось не по карману, ибо вся система здравоохранения в стране оказалась приватизирована, и смерть настигла одного за другим.

Старый Матвей не стал спрашивать про жену Эрнеста, ибо знал эту печальную, как песнь сирены историю и мысленно обратился к ней, пока его друг продолжал перечислять все невзгоды.

Матвей часто вспоминал. Это случилось около полугода назад. Жену друга звали – Маргарет. Это была прекрасная высокая светловолосая женщина, с выразительными чертами лица, алыми тонкими губами и тёмными глазами.

В тот злополучный день она прогуливалась со своей подругой, у которой был маленький ребёнок в коляске. Мать с подругой, прогуливалась с маленьким ребёнком по улице, нарвалась на разновозрастной шумящий и галдящий рой, что был сборищем тех, кто называл себя «Свободными от личинусов» или местная секта чайлдфри. Свободолюбцы среагировали на ребёнка, словно обезумевший бык на красную тряпку. Они, словно шакалы, окружили двух девушку и ребёнка. И понеслось.

Опьянённая собственной доведённой до безумия идеей толпа стала издеваться над женщинами и ребёнком, всячески выкрикивая оскорбления и дразня испугавшегося ребёнка. Естественно, малыш забился в страхе, смотря на кучку пляшущих сумасшедших, и стал безумно плакать, исторгая душераздирающие крики.

Крики и страх в глазах ребёнка лишь раззадорили толпу и они стали как дикари кричать и кичиться, приговаривая при этом, что «личинусам место на помойке» или «позорные свиноматки». А один из «дикарей свободы», намеренно достал небольшой бутылёк спирта и попытался им напоить бедного ребёнка. И тут, сдерживающая себя Маргарет, не выдержала.

В два шага она оказалась рядом с парнем, который попытался спойть малыша. Когда её сжатый кулак пришёлся неплохим ударом под дых, безумная улыбка и гримаса сумасшедшего с лица сектанта чайлдфри спали. Сразу послышались стенания и всхлипы. Одного удара хватило.

Группа из безумцев тут же в страхе отступила, забрав своего «собрата по идеи» и ушла восвояси. Но ненадолго.

Через несколько дней Маргарет пришла повестка в Общественный Муниципальный Суд. Культисты бездетности побоялись подавать иск в государственный суд, несмотря на то, что парламент ежегодно утверждает квоты, сколько исков «Субъектов гражданского общества» и «Вестников Свободы» должны быть удовлетворены. И судебная машина приступила к действию.

Смелой заступнице вменяли сразу несколько статей: «Нанесение телесных повреждений», «преднамеренное противодействие представителям Субъектов Несущих Свободу», да ещё к этому и статья из Антисемейного Кодекса, что призван защищать права чайлдфри: «Насильственное противодействие пропаганде и актам идеи бездетности».

Чайлдфри, со сворой адвокатов, чьи выражения лиц очень сильно напоминали крысиные рожи, с пеной у рта, словно одержимые голосили в суде, стараясь убедить судью, какое страшное преступление совершила женщина, что заступилась за ребёнка. Её поступок, вся эта свора свобододолюбцев, называла: «шагом в средневековье», «варварским актом против свободы» и «прямое попираание свободы самовыражения».

К тому же, походу судебного разбирательства, что становилось похоже на вопящий цирк, стало известно, где работает женщина. Местом её работы служил «узел», где она состояла на

службе «Отдела регистрации браков». И тут понеслось безумие. И адвокаты и чайлдфри, взхлёб стали вопить: «произвол властей», «чиновники попирают нашу свободу», «к чёрту такую власть, нам нужны более либеральные управленцы, что будут уважать достоинство людей».

Маргарет знала, что обречена. Женщина прекрасно осознавала, что эта судебная машина готова размолоть её судьбу, так как она посмела поднять руку против тех, кто обличён в одежды несущих освобождение от тоталитарного традиционализма. Но всё же, она решила попытаться себя оправдать, и единственным её средством защиты стал рассказ, как всё случилось на самом деле. Девушка, срываясь на плач, в красках и подробностях изложила истину. Однако реакция судьи была за гранью здравого смысла.

На весь зал заседания раздался оглушительный, будто исторгаемый из глубин безумия, смех судьи, а затем и последовала его речь:

– Ну и что? Суть свободы в том, чтобы дать каждому право на то самовыражение, какое любой пожелает. Эти добрые люди или нелюди всего лишь выражали собственное мнение насчёт детей и больше ничего. А вы так грубо прервали этот акт самовыражения, чем поправили их священные права.

Исход был ясен, как летний день. Маргарет приговорили к заключению и отправили в колонию, что располагалась в Исландской Анархистской Унитарной Коммуне. И даже прославленные феминистки не вмешались, ибо Маргарет не исповедовала их идей и не состояла ни в одном из их сообществ. Да и вообще государственным служащим запрещалось вступать в «Субъекты Гражданского Общества», так как это «подрывает саму идею свободы, ибо смешивается государственное и общественное».

Матвей тогда ещё не входил в состав Верховного Совета Управления «Восточного Единого Торгового Собрании», иначе он бы воспользовался всеми ресурсами и вытащил бедную женщину. Но он не мог.

Эрнест тогда всю неделю не мог работать, ибо над ним верх взяла жуткая депрессия, и его приковало к постели, в которой он только спал и предавался самозабвенной печали. В его сознании безумным вихрем вертелись последние перед расставанием слова: «Мы ещё встретимся».

И тут слова хозяина кабинета разорвали фрагменты воспоминаний старого друга, и член Корпорации вернулся к действительности:

– Матвей, а зачем ты пришёл, не мои же проблемы выслушивать? – с лёгкой улыбкой, проходившей через внутреннюю скорбь, спросил Эрнест.

– Я знаю, что ваша жизнь, это существование в аду и поэтому я пришёл тебе сделать предложение.

– Какое? – заинтересованно начал госслужащий. – Надеюсь достойное.

– Конечно, – бодро улыбнувшись, сказал Матвей. – Дело в том, что от каждого региона на «Форум Свободы» во вторую палату проводятся выборы и направляются представители от каждого региона. Так, вот не хотел бы ты улучшить своё социальное положение в этом аду?

– А так можно?

– Естественно! А насчёт голосов не беспокойся, Корпорация всё обеспечит, – и как только губы разошлись в широкой улыбке, Матвей задаёт самый важный вопрос, что способен изменить жизнь одного человека и судьбу многих. – Ну и каков будет твой положительный ответ?

Глава третья. На стыке миров

В это же время. На юге Швейцарской Федеральной Конфедерации.

«Тут невозможно жить. Полуядерная и тектоническая война между Либеральной Капиталистической Республикой и Рейхом обратила горный массив в пыль. Да, я был свидетелем тех событий, как в ярких вспышках пылью становились целые города, но что бы горы! Две цивилизации решили помериться силами и едва не уничтожили друг друга, причём нарушив законы природы. Теперь тут холодно, как в тундре, ибо ветрам ничего больше не встанет стеной и вся северная, и центральная Италия теперь покрывается снегом и холодом.

Да, я говорю «Италия», потому что верю, что моя родина когда-нибудь освободится от гнёта канцлера, который превратил её в идеологическую тюрьму. Но пока мне придётся скрываться на границе двух миров, посреди радиоактивных и нестабильных зон. Теперь на севере, теплее, чем на юге. Парадокс.

Но эта граница... с неё нечего больше взять. Десятки лет люди свободно её пересекали, когда придела нужда, теперь я должен бежать из своей родины, бросив свой скарб и товары. Некогда я был богат и почитаем, теперь я стал нищим, ибо у меня больше нет, ни накоплений, ни собственности. Проклятый Канцлер всё отобрал у меня.

Не думаю, что тут ещё есть живущие селения или города, ибо все бегут отсюда. Я ещё побуду тут.

Надеюсь, мои каракули кто-нибудь увидит и прочтёт, когда я умру. И когда вы будете читать это, выпейте за то, что царство Рейха наконец-то падёт. Не сможет диктат маразматиков-тоталитаристов существовать больше пяти лет. Я буду прав.

Проклятье, как же здесь холодно.

Валерий. Вольный торговец»

– Из найденной Командором записки.

Холодное солнце продолжает медленно утверждаться на лазурном и невероятно чистом, без единого облачка небосклоне, сиявшем светлой бирюзой. Но вот яркое светило практически не греет, несмотря на то, что ветровых потоков практически нет, отступив этим утром, и небеса отчистились от всякого облачка, став практически чистым и ясным.

Только небо, по великой иронии стало недоступно для лицезрения, ибо оно закрылось плотным барьером, состоящих из сетчатых крон деревьев, усеянных снежным серебром и приятно игравшим светом на солнце, что медленно восходит к яркому и апофеозному зениту. Тысячи голых веток и стеблей, отдающих безжизненностью, застлали небесную твердь и всякий, кто направит взгляд вверх, увидит лишь, как серебристые стебли полосуют бирюзу и перекрывают её плотной сеткой.

Ветра в этой лесной чаще не было. Не единого его дуновения или лёгкого ветряного напева, что пробежался бы по верхушкам деревьев. Лишь неприятный и жутко колкий мороз ходил вокруг промёрзших стволов, заполняя собой всё лесное пространство.

Наряду с ветром, этот лес покинул и всякий шум. Мир в древнем и монументальном лесу оказался безмолвен, словно в вакууме. Весь огромный и высоченный лесной массив пребывал в полнейшем спокойствии и безмятежности, словно это есть древние первобытные леса, не знавшие ещё ни человека, ни птицы... только тлетворное воздействие радиации и химических веществ, от которых меняется сама структура любой живой клетки.

Мрачная атмосфера безмолвия подобна лёгкому и прозрачному покрывалу, которое можно сбросить в один единственный миг лёгким дыханием или снежным скрипом. Однако вот уже целую ночь суть беззвучия торжествовала над лесом, словно царь.

Но вот и ему пришёл свой логический конец. Внезапно вся безмолвная пустота и эфемерное подобие безжизненности леса разрывается дверным скрипом, что раздался подобно эху по всему лесному массиву, оповестив само мироздание, что в лесу всё ещё есть жизнь и её двигательные процессы.

Можно было долго искать источник оглушительного для абсолютной тишины скрипа, но так и не найти, ибо место, откуда он исходил сделано так, чтобы слиться с мнимой безжизненностью и пустотой этого места. Да, огромная ирония и насмешка над глазами и ушами человека – безжизненность и пустота скрывают жизнь и наполненность пространства.

Весь звук и переполох исходил от визуально небольшой и одиноко стоящей постройки, что скромно встала посреди серебряного леса, как единственный представитель человеческой цивилизации, совершенно незаметный из-за определённых особенностей.

Это одноэтажный дом, с низкой, практический прямой крышей, покрашенной в белые маскировочные цвета, на которую временами сыпался снег, ещё сильнее маскируя постройку. Стены, крыша, ступени и дверь: всё это не покрашено в белый цвет, как может показаться, отчего вся постройка, просто сливалась с местностью, становясь белоснежным единым пейзажем. Специальное хамелионистое покрытие окутало дом, проецируя фоновые образы. Так дом максимально становился замаскирован, ибо умное покрытие эмитировало всё, порой даже создавая погодные эффекты, отчего домик облачался в полный плащ невидимости.

Сам дом располагается в небольшой котловине, что больше напоминает всё же огромную яму, внутри которой практически не росли деревья, разве только свои ветки раскинуло пара кустарников. Но вверх уходящие деревья плотной стеной стволы бережно опоясывают небольшой дом, отчего он становился ещё неприметнее и заметить его мог, только человек, знающий об этом строении, ну или же настоящий следопыт с по-орлиному зорким глазом.

Но вот только мало кто знает, что эта «котловина» всего лишь воронка от крупнокалиберного снаряда, что роком здесь взорвался несколько десятков лет назад, когда два «абсолюта» сошлись в смертельной войне идей. И сам этот лес получил это спокойствие словно в награду после тяжёлой войны, что практически не расколола сами Альпы, у подножья которых и раскинулся этот гипертрофированный лесок, возвращённый на плодах и удобрении минувшей ядерной войны.

В эту секунду бытия на белоснежное крыльцо, что практически укуталось в снежные морозные барханы, дома, вышел высокий, полу атлетического телосложения парень.

Его разросшиеся волосы цвета свежей соломы небрежно лежат на голове, и вяло трепетались при каждом движении. Черты лица были отчасти вытянутыми и ближе к островатому подбородку становились намного изящнее. Из-под довольно высокого лба смотрят на мир два глаза, имеющих болотно-зеленоватый оттенок. Неширокие и не тонкие губы разошлись, и облачко пара вырвалось наружу, устремляясь в лесную даль, но развеявшись тут, же через полсекунды.

На парне только лёгкая одежда, не присущая для прогулок по морозному зимнему лесу. И открытые участки кожи тут же приняли свой гусиный облик. На крепкие и широкие плечи парня ложилась тёмная тканевая кофта с высоким воротником, что закрывало полностью горло. Нижняя часть кофты бережно прикрывала ноги, на которых были лёгкие бесцветные тканевые штаны, опускавшиеся на серые носки в тапочках.

Парень, широко повернув головой, осмотрел лесную чащу, всматриваясь в каждую деталь лесного пейзажа, словно выискивая что-то в его глубинах. Юноша внезапно затормозил взгляд, как ему показалась на силуэте. Но через пару мгновений он понял, что это всего лишь сочетание веток, что сплелось в замысловатом узоре, став всего лишь пародией на человеческий образ. Такова лесная иллюзия.

Юноша устремляет свой взор наверх. Высокие кроны деревьев как будто упирались в небесную твердь и держали её от того, чтобы она не рухнула.

– Габриель, твою мать, закрой дверь! – послышался голос полный недовольства, исходящий из самых глубин дома.

Юноша прикоснулся худыми, но жилистыми пальцами к белоснежной двери. Его рука слегка дрогнула от ощущения необычного холода, и парень медленно прикрыл дверной проход.

Но дверь даже не успела закрыться, как снова с распахой и характерным скрипом отворилась, и на крыльцо вышел человек, которого парень хотел видеть меньше всего, но не подал и виду своей лёгкой, но двойственной неприязни.

И тут зазвучал мягкий женский голос, наполненный всё той же, но слегка приглушённой игривостью и некоторым подобием свободы.

– Габриель, может, зайдешь в дом? Тут так холодно.

– Нет, – тут же был дан твёрдый и убедительный ответ, в котором едва промелькнули нотки неприятельской обиды.

Парень даже головы не повернул. Он не увидел, что позади него стоит девушка среднего роста с карими глазами, тёмными волосами цвета дубовой коры, смуглой кожей и приятным округлым лицом. Но юноша прекрасно знал, кто за ним стоит. Парень знал, что это Элен. Именно эта прекрасная особа в своё время, больше недели назад терзала сердце юноши, и чуть не опрокинула его, практически доведя до микроинфаркта, и опрокидывая в небытие.

Но сейчас... Габриель всё ещё продолжал ощущать нечто. Это было странное остаточное ощущение, лишь подталкивающее парня к тому, чтобы он избегал девушку и старался неким образом игнорировать её, но при встрече с ней не подавал признака того, что его тяга сменилась на лёгкое отстранение. Однако не в этот момент, и быстро избежать её компании сделать было невозможно и парню пришлось терпеть присутствие сие особы.

– Как думаешь, он вернётся?

– Не знаю, – с нотками бессилия начал говорить юноша. – Он говорил, что вернётся примерно через три дня, но уже пошёл четвёртый. Я бы хотел знать, что с ним. И когда он придёт.

– Я надеюсь, он вернётся, так как без него мы можем пропасть, – заявила девушка и тут же скрылась в доме, прикрыв за собой дверь, стараясь как можно быстрее спрятаться от холода, оставив парня одного всматриваться в ледяную чашу.

Габриель же оставался стоять на крыльце, укрытым снежной массой, на настойчивом морозе, подставив своё слабо защищённое тело на терзание коварного холода. И не найдя ничего лучше, юноша обратился к собственным воспоминаниям последних дней.

Вот как уже целую неделю, они живут на стыке двух империй, в каждой из которой царит своя форма абсолютного идеологического абсурда, что продолжает отравлять души и жизни людей.

Дом, ставший прекрасным прибежищем, от глубокого подвала до потолков наполнен самыми различными средствами для комфортной жизни и долгого существования без какой-либо нужды. Сверху внутри это самый обычный одноэтажный дом, набитый внутри мебелью, с деревянными полами и радиоприёмником. Но даже тут начинались черты, присущие только специфической постройке.

Стены мастерами сделаны так, что не выпускали тепло и не пропускали внутрь холод, а специальный материал и конструкция делали их подобными броне танка. Крыша постройки оборудована специальными сверхчувствительными панелями. Когда на крышу попадала влага, они её конденсировали в специальные резервуары. В случае снегопада умная крыша, реагируя на авточувства, запускает процесс топки, тем самым обращая прохладную снежную массу и чистую воду. Но они не были бы умными, если не регулировали уровень воды, временами сливая затхлую и вводя свежую. И эти сверхчувствительные панели снабжены специальными датчиками «светоловли». Каждый солнца луч, пробившийся сквозь стену макушек деревьев,

улавливался этими «светоловцами» и с необычной жадностью использовался для получения энергии.

Но самое примечательное начиналось внизу, под домом в подвале. Именно в этом месте связались все необходимые системы жизнеобеспечения, которые поддерживали существование в этом доме. Кроме того, подвал представлял собой огромный склад, с бетонными стенами и устройствами охлаждения в жаркие дни. И собственно здесь хранились все запасы продовольствия, от долго «живущих» пайков и чистой воды до боеприпасов и оружия.

Но так, же эта кладёзъ пищи и воды стала прибежищем для множества ёмких и современных электрогенераторов, которые могли бесперебойно обеспечить работу этой постройки на долгие десятилетия вперёд.

В общем, всё, что нужно было для комфортного и спокойного проживания в этом месте, имелось в достаточном количестве.

Однако все понимали – оставаться здесь нельзя. Необходимо двигаться дальше и уходить с границы Автократорства и Республики. Это банальный залог выживания, ибо правитель по ту сторону хлипкой границы не оставит их в покое.

И несколько дней назад было решено уходить, но никто не знал куда. Алехандро настойчиво предлагал идти и представляться властям, так называемого «Либерального Государства», что оно удовлетворило все их права на жильё. Парень чуть ли не с пеной у рта старался доказать, что именно сосуществование в «новом мире» является прогрессивным шагом, который явно не сделает хуже. К тому же Артий и Верн постарались высказаться в поддержку своего друга, говоря о том, что свобода лучше тирании на юге.

Эстебан ничего не сказал против. На его лице застыла маска холода и безразличия. Он, перед тем, как уйти, сказал лишь, что вернётся через три дня и окунулся вглубь новой страны, продвигаясь к центру субъекта, на самые края которого занесла их судьба.

Никто не понял смысла этого поступка, но ни один человек и не собирался гадать, что бы это могло значить. Быть старшим и руководить их нехитрой жизнью вызвался Антоний, взвалив на себя груз контроля за всем. Ротмайр жил сам по себе, но временами стали пропадать бутылки со спиртом.

Прибывшийся проповедник с Африки мало контактировал со всеми. Если и говорил с кем-то, то это были споры и дискуссии о мироздания и истины о бытии, но в основном Малик общался только со своими богами.

Габриель, за все те дни, что пребывал рядом с тем, кто звал себя Командором, впервые за долгое время, почувствовав ощущение подобия заботы. Живя на грани одиночества сердце парня сильно огрубело и всё, что ложилось на чувственный орган юноши, не находило в нём ответа, но именно в Эстебан, который поклялся его защищать от всякой угрозы, смог оказаться некой опорой для парня. Единственным шестом, что мог поддержать и не допустить падения в бездну отчаяния, ибо, Габриель, смотря каждый день на воркующих Верна и Элен, ощущал, как его чувство лёгкой неприязни сменяется на покалывающую и пьянящую сознание злобу. С другой стороны, мысли о том, что Командор проявляет свою заботу нём лишь потому, что некогда поклялся его родителям. И ощущение того, что за ним присматривают и опекают лишь из долга, порождало мысли, что колкими гвоздями вгрызались в сознание, заставляя изнывать.

По одну сторону мыслей бесконечная тошнотворно показательная любовь, а с другой тёмные мысли, лишь подводящие к отчаянию, окутывали душу Габриеля мрачной и беспросветной пеленой, что дурманила сознание и втаптывала парня в самый тартар отчаяния, неизбежно подводя к разрушительному безумию. Ещё немного и юноша мог сорваться, начав расхищать коробки со спиртом вместе с Ротмайром.

Но внутренний стержень, неизведанной силы, схожий с верой, обогревающий промороженную душу и дающий сил, не давал парню обратиться к стороне сумасшествия, да и Анто-

ний временами рассказывал, как Командор практически с отеческой опекой следил и оберегал его, и всё это не давало юноше впасть в самые глубины отчаяния.

Единственным источником того, что могло разогнать скуку и сбросить томящийся градус как уныния Габриеля, так и повисшей общей грусти было радио, что ловило все возможные каналы и передачи в своём радиусе.

Сначала все слушали передачи, исходящие от Управления Радиосвязью, что раньше именовалось, как Министерство Радиосвязи... да, всё, что первые дни наполняло эфир, было родом из Рейха, что после прекрасной метаморфозы переродилось в Автократорство Рейх.

Ужас и негодование от произошедшего «переворота» наполнило души ребят, но никак не отразилось в Антонии и Ротмайре. Те, кто ещё несколько дней назад был готов отправиться на штурм Канцлер Цидалис, под штандартами и знамёнами «Гегемона Революции», сейчас проклинали своего бывшего вождя за то, что он в буквальном смысле опрокинул всю оппозицию и искоренил всякий ветер свободы, провозгласив себя «Архиканцлером». Ребята испытывали к нему лютую ненависть за то, что он сделал с их друзьями и знакомыми, что доверились ему и встали в лоно этого лживого мятежа. Чувство преданности, обман и слепая ярость сковали души и сердца юношей и девушка.

Ротмайр и Антоний прекрасно знали, что это всего лишь был шаг в длинной веренице событий, что вели главного революционера к одному – власти. Всех своих сторонников и друзей, тех, кто положил жизни на алтарь его идей, он предал. Ему стало плевать на все идеи свободы, ибо чувство пьянящей власти захлестнуло его подобно приятному и дурманящему алкоголю.

Новости о «реформах» Архиканцлера повергали ребят в ощущение прострации и печали, ибо, как им казалось, что «всякая свобода теперь истреблена». Но, увы, Антоний и тем более Ротмайр явственно понимали – эти реформы лишь фикция, направленная на создание «вида» деятельности. Новый правитель умело пустил пыль в глаза собственным гражданам и более ничего. Суть правления, его методы и принципы никак не повлияли на режим и его ужасные, в чём-то омерзительные формы, выдаваемые за «акт спасения народа от развращения».

И устав от столь мрачного потока информации, всё чаще радио настраивали на то, чтобы оно ловило какие-нибудь песни...

Тут же юноша оторвался от собственных воспоминаний и снова оглядел местность, которая его окружает, и внезапно для себя приметил странный, практический мистический символизм.

Дом – это они, как оплот здравомыслия. Непроходимая лесная чащоба, что встала стеной вокруг них – та беспросветная действительность, взявшая их в кольцо, застыв молчаливым кошмаром. А котловина от снаряда, в которой и расположился дом – бездна отчаяния и застоя в которую они скатились.

И тут, на стыке двух империй они остановились, укрывшись во мраке истории и странстве. На стыке двух миров, на их отшибе готовится решиться их судьба. В попытках скрываться между мирами, они могут остаться в забвении навсегда...

Но что это за миры? Первый, от которого они и бегут – мир тотального контроля, что остаётся позади. Это мир, где все дни до невозможности серые, а вокруг тебя окружает каменная тайга. Это вселенная, в которой от зари до зари звучат колокола и поются хвалебные мантры правителям. Именно в этом мире каждого инакомыслящего найдут и покарают, а любое отступление от официально установленного – опасная ересь, что подлежит искоренению. Это империя камня и веры, держава абсолютной власти морали и почитания личностей.

А второй мир!? Он, к сожалению, не известен и его только предстоит познать. Но даже отсюда Габриелю чувствуется зловонный ветерок, что дул с севера, словно дурное заветрие, несущие лишь мрак и внутри душевное разложение. Юноше, почему то «новый мир» казался чуждым и отталкивающим, а те развалины, что они увидели на границе, лишь разжигали пла-

мень недоверия к тому, что может здесь твориться... Рейх, в полной своей деспотичности и безумии никогда бы не допустил наличие развалин на своей земле...

– Проклятая неизведанность, – шёпотом выругался юноша.

Габриель, оторвавшись от собственных размышлений о мире разделённым решил покинуть крыльцо, но тут послышался звук проминаемого и хрустящего снега...

Глава четвёртая. Новая доктрина

Этим временем в Южной Диархии.

«Для нужд обучения всех уровней нашего государственного, частного образования, но включая на вольной основе детские сады, школы, ВУЗы и иные заведения Корпораций, необходимо преобразование духовно-моральной доктрины. В ней мы должны донести суть того, что на самом деле нет никакой морали, полов, стыда, уважения, праведности, послушания и прочей тоталитарно-консервативной ереси, а есть только Свобода. В данной доктрине наша задача – вложить в граждан одну и самую важную идею – можно делать всё что угодно, если это не противоречит принципам и духу Свободы. Мы в этой доктрине обязаны сказать важные вещи, такие как: Спаривайтесь с кем и чем хотите, будьте раскрепощены, потребляйте что хотите, окунайтесь в омут удовольствий, отриньте уважение ко всем и плюйте на все традиции и так называемую духовность: всё это ваша – Свобода. Так же в «Новой Доктрине» мы должны изложить, что за оскорбление Вестников Свободы и всех её приверженцев следует беспощадное наказание. Так же Новая Доктрина ложиться в систему концепции Развитого Либерализма».

– Из послания Форуму Свободы от Культа Конституции.

В пространстве, как и в настроении, ширится серость и уныние, а за окнами домов по улицам свободно гуляет леденящий кости ветер, продолжавший набирать силу и поднимая в воздух, закручивая в незамысловатых вихрях мелкий мусор.

И все ветряные потоки, вихрем заворачиваясь у городского ВУЗа, временами завывая на его углах, обращаясь в печальную и плачевную песнь, давящий на души тех, кто ещё сохраняет остатки разума посреди безумия.

Это есть самый обычный университет, курируемый Корпорацией. Он явился действительно исполинских размеров. Десять этажей холодного бетона, покрытых известью, выкрашенной во всё тот же серый цвет и представляющий скорее какое-нибудь правительственное здание. Но такая безликость была весьма обманчива, ибо внутри он был отделан по самым последним нотам науки и писку корпорационной моды. Самые современные лаборатории наполнены прекрасным и инновационным оборудованием. С каждой стороны окружали стены, выкрашенные в голубовато-светлый оттенок.

Утеплённые и благоустроенные аудитории, в которых стоит новая и удобная мебель, только что привезённая с заводов Корпорации. И в каждом кабинете установили по специальному интерактивному прожектору, на котором в основном и происходил весь учебный процесс. Холл, облицованный мраморной плиткой и обустроенный настолько, что предоставлял собой скорее зону комфорта, нежели место ожидания и входа, представляет, возможно, визитную карточку самого ВУЗа.

И каждому студенту этого университета выдвигались особые требования, которые он обязан неукоснительно и строго соблюдать, ибо перед тем, как поступить сюда, подписывал специальный договор. По этому договору любой студент должен был ревностно соблюдать все те требования, которые ему выдвигает Корпорация. За неисполнение его следуют не самые приятные последствия, в виде денежных компенсаций или иного рода истребований, которая выдвигала Корпорация. И выиграть суд – невозможно, ибо все разбирательства шли в Корпорационной Судебной Системе или, говоря по-простому, – суде, созданном и оплачиваемом Корпорацией.

Вся «коммерческая судебная система» состоит из судей, назначенных Корпорацией или оплаченных сторонами судебного конфликта и во имя решения споров, возникающих у любого человека или организации, что хочет стать предпринимателем.

Многие люди, или лица к ним не приравненные, в стране недолюбливают эту судебную систему, из-за её излишней пристрастности к сторонам конфликта, так как это попытаться выиграть суд у коллегии мошенников, обвиняя самого мошенника.

И однажды, даже тот, кто соблюдает все пункты договора, и не станет идти на работу, которая будет предложена Компанией, всё равно вынужден будет ей выплачивать деньги по неисполнению документа.

Один из учеников «Южного Потока» – Лютер всегда вспоминал тот злосчастный случай, когда он чуть не лишился всех тех благ, что предоставила ему Компания. Это случилось около двух месяцев назад, когда, из-за нехватки денег на лекарства и обеспечение отопления в квартире его сложила болезнь, представшая в виде банальной простуды.

Целую неделю юноша не мог подняться с постели, истекая соплями и потом от внутреннего жара. А тем временем частное коммунальное предприятие «Тепло Микардо» не спешило давать тепло в дома, пока люди не заплатят. Кто-то даже высказывался, что необходимо отменить закон о «Становлении частного коммунального сектора», но это противоречило Архизакону «О рыночной экономике», где было прямым текстом сказано «во имя становления свободы и свободного предпринимательства, следует начать передачу всех экономических объектов в руки частного бизнеса».

И пока целую неделю юноша отважно вёл сражение против мора, что его повалил на кровать, Корпорация, ведущая строгий учёт посещений занятий, решила, что парень решил нарушить условия договора, и приготовилась подать на него в суд, дабы если не получить хорошего сотрудника, то выбить деньги, в числе миллиона федералов. Но всё же проблема нашла своё разрешение, когда сотрудники Компании пришли к Лютеру, чтобы оповестить его о том, что он не исполняет обязательства. Когда же они на пороге встретили юношу, у которого постоянно текут сопля, глаза стали красными, а домашняя температура никак не отличалась от того, что творится на улице во время жуткого холода, то тогда все вопросы у представителей «Южного Потока» пропали. В этот же день, получив специальное руководство от Компании, организации «Городской Уют», «Тепло Микардо» и ряд подобных, всё же начали подавать тепло в дома.

Сейчас юноша тихо шёл по институту и думал о грядущей учёбе. Всего одна пара, связанная с основами экономического управления и то не в полном объёме. Но необходимость диктовала своё. Это вам не государственный ВУЗ, в котором действует «Кодекс Студенчества» на парочку с «Кодексом Молодёжи», по которому, официально, в случае малозначимости занятия, на него можно было не ходить, так как это «подрывало право молодёжи на получение отдыха и занятия полезными занятиями», как следовало из одной тамошней статьи.

Лютер идёт по собственному ВУЗу, передвигаясь в тесном коридорчике. Он сейчас находится в корпусе на десятом этаже, который приписывался к кафедре «Управления Экономическими субъектами», что находился по левую сторону от входа. Каждый этаж отводился собственному направлению и подготовки. За каждым направлением следил архикуратор, за кафедрой деканарий, а всем университетом, подчиняясь лишь образовательному управлению Корпорации, управлял ректор.

На этаже, сегодня, в столь мрачный и пасмурный день, есть только его группа и его друзья. Практически половина всего учебного здания абсолютно пустует из-за отсутствия студентов. У многих сегодня попросту отсутствовали занятия, ибо прогуливать мало кто осмеливался.

Парень, идя по коридору, который стесняли совершенно однотипные, но всё же приличные стены, дошёл до аудитории, у которой должны быть занятия. Вокруг никого не нет, не единого одноклассника, только управление направлением, где развернулся самый настоящий

пункт торговли ручками, бумагой и прочей канцелярией. Юноша безрадостно усмехнулся и присел на одну из лавочек, что стояли возле стен.

Он и подумать боялся, чем торгуют в остальных ВУЗах. Согласно архизаконам «О становлении рынка повсюду», «Всеобщем рыночном становлении», и «О свободной торговле», а также указу Министерства Экономики и письму во все учебные заведения Мастерства Обучения и Наук разрешалось: «заниматься предпринимательством прямо в школах, институтах и академиях, торговать всем чем угодно во всех учебных заведениях, арендовать помещения под организацию собственного бизнеса, так как это только развивает Свободу торговли». Но результат такого эксперимента явился одним смыслом – всё, за несколько месяцев, превратилось в один огромный и нескончаемый рынок.

И все, кто мог, развернули продажу самых различных вещей во всех учебных заведениях, временами вытесняя даже сам учебный процесс. Так к некоторым ВУзам примыкали многие пивные, клубы и бордели, в которых студенты проводили больше и веселее времени, чем на парах. Магазины одежды и питания расцвели особым образом, заполонив даже кабинеты, где раньше велась учёба. Во многих школах появились места, где продавали вкусную, недорогую, но низкосортную еду, а которую ещё несмышленные дети тратили все деньги, что у них только могли быть.

И вся эта торгово-капиталистическая фантасмагория делалась, для того, чтобы «укрепить конституционные права граждан на проведение торговли и заработок денежных средств любым достойным путём и организовать либеральный торговый процесс с большинством граждан».

И юношу это жутко раздражает, временами доводя чуть ли не до безумия. Он понять не мог, как там, где должны были обучать и даровать знания, где люди приходили, чтобы обучаться, расцвёл либерально-торговый коллапс. Лютер надувается яростью, его кожа покрывается алым наливом от одной мысли, что некогда «храм науки», переродившись в «новом свободном мире», превратился в коммерческий центр, где всё покупается и продаётся даже знания.

Но парень ясно понимал, что всё его мнение не более чем мысли одного человека, и если даже он выскажет своё мнение, что будет противоречить самой Конституции, то в лучшем случае его никто не услышит, а в худшем, за ним придут сторонники «Культа основного закона».

Внезапно парень отвлёкся от собственных мыслей, что рассеялись подобно прошедшему сну, из-за шороха впереди по коридору. Юноша не спеша поворачивает голову и его глаза различают образ, как из стусившегося мрака появляется крупная высокая фигура. Через пару секунд к кабинету из тени вышел тоже парень, облачённый в серую молодёжную кофту с капюшоном и малопонятным рисунком на груди, голубые джинсы и немного потёртые кроссовки, что явно показываются не самыми новыми.

Губы Лютера разошлись и послышались слова, срываемые на лёгкий кашель и переходящие в лёгкую улыбку:

– Привет, Даниэль...кхм.

– Ох, здравствуй, – тут же послышалось в ответ.

Юноша, сидящий на скамейке, сразу протянул руку подходящему знакомому парню, который ответил крепким рукопожатием.

– Всем хаюшки.

Оба парня, удивившись от неожиданности появления нового источника звука, обернулись к тени и направили взор, увидев, как в коридоре к ним продвигается ещё несколько человек из их группы. Как смог разглядеть Лютер – это две высокие девушки, брюнетка шла рядом с девушкой, чьи волосы были выкрашены в зелёный, и ещё один худощавый и невысокий юноша. Парень их сразу вспомнил, хотя особо не общался с ними. Брюнетку звали – Силена, с зелёными волосами, которых звали гринетка, – Марта, а худощавого парня – Ману.

«Пятеро уже здесь, осталось ещё столько же». – Шальной строкой пронеслось в памяти Лютера, прикидывая, сколько ещё должно прийти людей.

От одной мысли, что в его группе всего десять человек, юноша готов впасть в некое подобие отчаяния, но Даниэль это заметил и растормошил своего знакомого, желая поднять ему настроение:

– Лют, взбодрись, – и, положив ему руку на плечо продолжил. – Расскажи мне, как у тебя дела.

Лютер обернулся и посмотрел на рядом стоящего знакомого. Это достаточно высокий и занимающийся тяжёлой атлетикой парень. Его бледное и довольно крупное лицо сильно контрастирует со светло-голубыми волосами и карими глазами, в которых всегда светится некая никому не известная радость, что заставляет его не унывать не в одной из тяжёлых ситуациях.

– Всё нормально. – Кратко даёт ответ Лютер, не зная о чём сейчас можно говорить.

– Вот знаешь, «всё нормально» ответ достойный разве что наших чиновников. А ты расскажи как-нибудь поподробней. – Не унимая энтузиазма, продолжает докапываться товарищ.

– Ничего примечательного нет. Всё как обычно. – Чуть улыбаясь, не думая, что можно рассказать, уже более легко ответил Лютер.

– Как-то не интересно. – Кинул Даниэль и отстранился от своего одноклассника, подойдя к Марте, Силене и Ману, став уже их активно расспрашивать про дела, и так между ними завязалась непринуждённая беседа.

Внезапно из тени выходит ещё трое ребят, которые уже более знакомы Лютеру, ких, всё же с натяжкой, он мог назвать своими друзьями. И тут юноша подорвался со скамейки, едва её не обронив, чтобы встретить хороших знакомых.

Первому кому он протягивает вытянутую руку своему другу по имени Жебер. Это невысокий и светловолосый парень, одетый преимущественно в старую докризисную классическую одежду: аккуратные брюки, светлую рубашку, на которую ложился тёмно-синий пиджак. Свершив крепкое рукопожатие, Лютер поздоровался с Ансуа, сделавши приветствие в форме «римского салюта». По телосложению, такой же, как и Лютер, юноша широко улыбнулся, предварительно откинув длинные черноватые волосы, доходившие к плечам, назад, чтобы не мешались. Ну и последним хорошим знакомым оказывается девушка по имени Амалия. Её черты есть самые примечательные, жизнеутверждающие среди всех, кого знает Лютер – невысокая, хрупкого телосложения, с милым и прекрасным личиком девушка. У неё волосы цвета молочного шоколада, что опускались чуть ниже плеч. Из её прекрасных и светло-серых глаз, что были подобны двум драгоценным бриллиантам, исходил свет божий, пробирающий до души, преисполненный истинного счастья. Девчушка носит не обтягивающие чёрные джинсы, кожаный жакет цвета изумрудных лугов и хорошие туфли. Характер милой девушки является одним из самых примечательных во всей компании друзей. Она всегда игрива, весела и не поддавалась унынию, а в её глазах редко когда пробегает тень печали. И при всём при этом столь милое создание неимоверно добро ко всем, кого встретит и, как ни странно, её тоже беспокоило то, что творилось в мире... Ансуа, смотря на Амалию, назвал её как нельзя проще и точнее – «Маленький ангел».

Но внезапно вся радость встречи, словно пустынный мираж, развеивается знакомым голосом преподавателя, который пробирался сквозь темень коридоров:

– Вот вы где, студентики!

Тут все обернулись и увидели, что их преподаватель-мужчина не один, с ним рядом яхшается какая-то странная личность. Педагог быстренько подходит к двери кабинета и буквально по его пятам, след в след, прошёл странный и отталкивающий человек, которого, в глазах Лютера и его друзей, едва и можно назвать человеком, скорее карикатурой, ставшей нормой для сотен миллионов.

Прозвучали звуки вращающейся замочной скважины, что завертелась в едином танце с ключом, и через пару секунд дверь отворилась нараспашку, и все спешат зайти в аудиторию.

Восемь человек быстро прошли в аудиторию, в которой всегда было совсем небольшое количество мест, а само помещение не отличается особо большими размерами. Всего пятнадцать учебных мест, представленных тремя длинными коричневыми столами, расставленными в пирамидальной форме, один над другим, по пять мест за каждым. Источником света, в дневное время служит только одно широкое окно, прикрытое бирюзовыми шторами. А само пространство сдавливают белые монолитные бетонные стены.

Все как можно быстрее занимают собственные места, подготовившись к проведению занятия, раскладывают тетрадки, лежащие на стол подобно осенним листьям, но тут заговорил преподаватель:

– Дорогие мои, сегодня занятий не будет, как и двух ваших сокурсников. У вас сегодня будет лекция, которую проведёт вон тот господин, – И указав в сторону странного человека, педагог спешно покинул аудиторию.

Все тут же обратили своё внимание на того, кто был представлен. Это, по виду, существо похожее на женоподобного мужчину. Из-под сиреневой шляпы-цилиндра показывались, выкрашенные в светло-оранжевый цвет волосы, снисходившие до плеч и аккуратно ложившиеся на «модный» красно-коричневый пиджак, закрывавший примерно половину торса, а остальная часть покрывается разноцветной футболкой. На ногах, несмотря на жуткий холод – джинсы с множеством дырок, из-под которых проглядывались сетчатые колготки.

Лицо «человека» вызывает ещё больше вопросов, нежели одежда. Худощавое и осунувшееся, бледное от того, что на него вывалили массы пудры, и глаза утопающие во тьме от фонариков туши, что легли на них и залитой в глазные яблоки краски. И на фоне всего этого, губы светились красным из-за слишком яркой и ядовитой помады, пропитанной фосфором. Нос прошит нитями, на правом запястье «браслет», сделанный из наростов на коже.

И в это же мгновение алые губы «мужчины» разомкнулись, и полилась отторгающая и жуткая от противного, словно ржавого голоса речь:

– Здравствуйте детки, меня зовут Бернارد, и я представитель Министерства Свободы. Мне, моим министерством и рядом организаций, что являются «Субъектами гражданского общества», поручено довести до вас, что есть «Новая доктрина».

Никто не понял тему беседы, только несколько человек едва догадывались до всей глубинной сути произнесённых слов, а тем временем «мужчина», более вдохновенно и оживлённее продолжил свой рассказ:

– Все вы знаете, что мы живём в либеральном государстве, где чтутся все возможные права и Свободы людей, уважаются их ценности и любые воззрения на жизнь. А поэтому, наше правительство в союзе с «Субъектами гражданского общества» или «Вестниками Свободы» разработали новую программу, которая определяет и показывает те ценности, которые должен чтить каждый в нашем обществе. И моей задача сегодня – рассказать вам про «Новую доктрину».

Лютер, после услышанного вступления, сразу понял, о чём пойдёт речь и оттого к его горлу подступил комок тошнотворности, вызванный не столько таким омерзительным видом этого, с позволения сказать, человека, сколько той скверной и мерзостью, которую этот «мужчина» будет нести им в ум. Однако парень понимал и помнил, что есть бред для него – фундаментальная истина для миллионов, таких же, как Бернارد.

Юноша, сидев по середине на втором ряду, медленно повернул голову направо в сторону Амалии. Всем своим прекрасным видом она подтверждает собственное прозвище, также мило сидя и с толикой еле уловимого отвращения, смотря на аудитора. От одной мысли того, что такое невинное и прекрасное существо сейчас станут обучать тому, за что в Иллирийской Тирании прилюдно казнили, а в старые времена допускали всеобщему порицанию, становилось

не по себе, а в душе вспыхивал огонёк негодования и чувство множющийся досады. Но «носитель либеральных ценностей» был непреклонен и спустя пару секунд копошения, в бумагах, продолжает собственный рассказ:

– Я, сегодня, постараюсь научить вас правильно мыслить, ибо, как сказано в преамбуле «новой доктрины»: «только правильные со стороны свободы и её процессов мысли могут быть допущены в обществе, а значит, необходимо научить каждого человека мыслить так, как требуют того «субъекты свободы» и сама свобода в чистом виде».

«Правильно мыслить» – подумал про себя Лютер, сразу вспоминая тирании древности, что старались научить людей «думать верно», потакая собственным безумным идеям. И сравнение «новой доктрины» с тиранией показалась парню как нельзя лучше.

– Говоря о «новой доктрине», я начну свой рассказ с врагов самой либеральной мысли, которые так и алчут, чтобы отобрать нашу свободу. – И дальше, как заправский сказочник, наводя ужас и, как то неумело, стараясь испугать студентов, «вестник свободы» продолжил. – И первым в этом списке врагов свободы стоит наш южный сосед по имени – Авторитарство Рейх. Именно там находится оплот самодурства, тирании, деспотии и полной антисвободы. У тех дикарей, что вытирают ноги об свободу, даже партий нет. Любое прошение свободы жестоко подавляется. В той варварской стране гонимы все: от ЛГБТПАиПНА до неодушевлённых субъектов права. И недавно там была маленькая попытка провести революцию, но она жестоко задушена. Второй, не менее злейший враг, это Директория Коммун, где попирается всё, что не соответствует коммунистической идеологии. Там, в Империи Красного Знамени верят, что им не нужны индивидуальности и личности, ибо это противоречит идейной сути коммунизма. Варвары! – Выкрикнул Бернارد. – И третий наш враг, который всегда, всю историю Земли был противником свободы, что лежит на востоке от нас это государства ближневосточные, ибо там до сих пор оплот бюрократической диктатуры и подавления, естественных прав и свобод. – Немного, буквально пару секунд передохнув, аудитор продолжил собственный рассказ, не унимая вдохновлённости. – Но помимо стран, внутри нашего государства тоже есть ряд опаснейших врагов. Это: сторонники диктатуры, последователи «традиционной морали», гендеры мужского типа, ибо они, как сказано в Феминистском Кодексе: «всегда и везде будут стараться отобрать у женщин их свободу, ибо они мужчины». Так же на нашей свободной земле законами запрещена работа тех учреждений веры, что зовут себя мусульманскими, старокаатолическими и православными, ибо они, своими догматами и идеями попирают саму мысль свободы.

Душа, разум Лютера взрываются от негодования, он не может принять того, что за собственные взгляды и пол ты уже являешься «врагом свободы». Он сразу припомнил экскурс свободы, как раньше в одной стране, тех, кто был не согласен с идеей тоталитарного равенства, что возводилось в культ, сразу называли «врагами народа». Однако парень даже не подал виду того, что у него проскользнуло возмущение. Но он даже понять не мог, насколько далеко зашла «борьба за свободу»...

– Ну а теперь перейдём непосредственно к положениям «новой доктрины». Она провозглашает равенство как «одушевлённых субъектов прав», так и неодушевлённых. А это значит, что любому механизму или вещи, похожей на человеческую особь даруются те же права, что и человеку. Да, и на этом фоне, не так давно был принят Кодекс Андройдов, который и закрепляет эти права. Так же и у животных есть собственные свободы, нашедшие своё отражение в Зверином Кодексе. Всё это делается для того, чтобы увеличить количество прав и свобод, которое готово предоставить наше общество, ибо, как сказано в Конституции: «Либеральная Капиталистическая Республика является территорией максимальной Свободы, где каждый может быть наделён всеми возможными правами, во имя самой Свободы». Также, мы как можно терпимей относимся к новым «гендерам», которых открывается всё больше с каждым годом. Именно они являются основным показателем того насколько наше общество свободно и идёт

по правовому курсу. Мы не имеем права притеснять людей за то, какие они есть и как свободно они думают. И не стоит забывать, что их права закреплены в Кодексе «Всех Гендеров и Ориентаций». И только те, кто стремятся ограничить эти права – являются больными и нездоровыми людьми, которых необходимо изолировать от остального здорового общества. К тому же, нам необходимо не забывать о правах детей. Вы должны знать, что родитель после двенадцати лет не имеет права вас ни в чём ограничивать, ибо как сказано в Кодексе Детей: «каждый ребёнок или подросток имеет право на собственную свободу во всех её проявлениях, предоставленных Конституцией». Если вы хотите принимать наркотики – пожалуйста, желаете выпивать – приветствуется, появилось желание проявить свою свободу и реализовать любое право – милости просим. Наше свободное общество, во имя свободы и демократии, для претворения в жизнь всех мыслимых и немыслимых прав и свобод даёт вам...

Внезапно рассказ аудитора оборвался на телефонный звонок, что раздался из кармана его пиджака. Вынув телефон, аудитор поднёс его к уху и заговорил:

– Да. Где упал индекс свободы?... Уже выезжаю. – И убрав телефонный аппарат в карман, обратился к ребятам. – Простите, работа меня зовёт. Я вам оставлю специальные брошюры, из которых вы и узнаете по настоящему, что есть «Новая Доктрина». – И после этих слов «человек» спешно покинул кабинет, оставив после себя шлейф вонючих духов и ореол всеобщего удивления и ступора.

Все, кто сидел в кафедре, прослушав столь короткий и обрывистый рассказ, пребывали в недоумении от такого яркого представления. И действительно, «мужчина» был очень похож на клоуна, нежели представителя серьёзного министерства.

Всех съедало любопытство и многие всё же жаждали узнать, что такое эта «Новая доктрина», о которой что-то пытался рассказать «вестник свободы». Все понимали её суть, но, несмотря на то, что жили в столь специфичной стране, не знали доктринальных положений, а поэтому, с неким энтузиазмом и осторожностью решили просмотреть брошюры.

Лютер, как и большинство ребят, подорвался с собственного места и подошёл к методичкам. Его глаз тут же упал на стопку маленьких книг, в яркой цветастой мягкой обложке, выполненной в стиле флага радуги без голубого. Она слишком вычурна и ярка, подобно некоторым насекомым, что выбрали очень насыщенный окрас, подчёркивая, что они смертельно ядовиты. Интересное сравнение...

Рука юноши коснулась этой книжки, и тут же парень стал её листать, пытаясь понять суть того, что несколькими минутами ранее до него пытались донести.

«Новая доктрина – есть мысль нового типа, которая не нуждается в доказательствах и обязана свято приниматься каждым, для утверждения свободы, ибо так утверждает концепция Развитого Либерализма». – Прочёл парень на первой странице.

Как ни странно, в этой брошюре было написано на много обширней, чем пытался донести до всех аудитор.

В книжке рассказывалось про то, что гражданин Либеральной Капиталистической Республике обязан почитать и уважать права «Субъектов Гражданского Общества» и вообще всех тех, кто является «помощником в деле утверждения Свободы». Нельзя было никого подвергать дискриминации и унижению по «идейному признаку», что признавалось одним из самых страшных преступлений, за которое следовало уголовное наказание.

Ни при каких обстоятельствах не нужно было оскорблять тех, «кто несёт Свободу» и необходимо было всячески потакать и содействовать всем «слугам доктрины».

Лютер, пролистав то, что было оставлено, тут же отложил эту адскую брошюру, почувствовав отторжение от того, что он прочёл. Его мозг, прогнав информацию через не усыпленные анализаторы, дошёл до самой сути «Новой Доктрины». Её единственной целью есть утверждение в молодых умах всего того, что его отец называл «противоестественным». Парень осознаёт всю глубинную сущность «Новой Доктрины», чьими столпами стало утверждение

того, что зовут «Свободой» повсюду, везде, где только можно. И само слово «свобода», вместе с «правом» повторялись столько много раз, что от них становилось тошно и невыносимо, словно это пособие писал человек, тяжело помешанный на этом. Язык, которым писалось изложение, был просто безумен, а тексты наполнены популизмом.

И вся фантазмагория бреда, изложенная в брошюре, первая её часть наставляла уважать саму идею свободу, вторая часть этой повести сумасбродства обучала одному – жить в собственное удовольствие и в индивидуализме. Именно здесь подчёркивалась важность того, что человек «существо свободное и должен делать всё, чтобы удовлетворить самого себя, жить в собственное удовольствие и стараться ни от кого не зависеть».

Юноша отошёл от этого столика, где яркой партией лежали заманчивые брошюрки. Парень понимал всю их опасность, которую они несли. Он отошёл в сторону от книжек, направившись к выходу. Парень видел, как его друзья и одноклассники, воспитанные во многом в духе «Новой Доктрины» с увлечением читают и поглощают разумом всё то, что там написано. Но тяжелее всего было смотреть Лютеру за тем, как Амалия, так, же смотрит и вчитывается в брошюру сектантов свободы. Но вот она как то бросила её и, посмотрев на неё с негодованием, которое постаралась не подать, отошла в сторону. И в этот момент по душе Лютера пробежала волна облегчения и спокойствия, рождённая в глубинах души, говорящая лишь об одном, что выносилось на порицание «просвещённым обществом Развитого Либерализма».

Глава пятая. Депутат поневоле

Тем временем на территории Восточной Бюрократии.

Эрнест искренне рад. Его душа преисполнилась чистейшего ликования, которое ничто не могло умалить. Он наконец-то покидает этот промёрзлый край мира и отправляется в столицу, чтобы там, от имени Восточной Бюрократии на Форуме Свободы, представлять интересы своего региона.

Больше всего слугу Бюрократии радовало то, что он просто уезжает из этого жуткого холодного места, в котором быстрая смерть это лучшее из зол. Мужчина просто ликовал от такой возможности.

Но сильнее счастья воплотился в сознании только страх, который медленно пробирался в сознание от одной мысли, с кем рядом он будет работать. К тому же, Эрнесту доступно объяснили, что он не имеет права отказать «в оказываемой Корпорацией привилегии». Тем временем сама Компания быстро устроила «выборы», практически прямым текстом указав на того кандидата, за которого необходимо было проголосовать. И прошло менее часа, когда весь регион дал свой ответ.

Без всякого сомнения, для вида «демократичности» выборов сотрудники и слуги Корпорации сняли пару репортажей о том, насколько полны избирательные участки и люди «реализуют» собственное право выбора. Но вся суть в том, что большинство бюллетеней, с «правильными» ответами были изготовлены самой Компанией за несколько дней до самих выборов, а потом просто брошенных уже в сам назначенный день.

И всё это Матвей объяснил своему другу. Он сказал, что по его рекомендациям Компания и избрала Эрнеста, как представителя региона, предварительно договорившись с помощью хрустящих купюр и ультиматумов с правительством Восточной Бюрократии. Эрнест был избран заранее и не смел отказаться от возложенной на него миссии. Но мужчина и не собирается, ибо всеми силами души желал покинуть этот проклятый регион, стремясь как можно дальше от промёрзлого куска земли, где каждый день его терроризируют орды «вестников Свободы».

Сейчас, находясь в кабинете и собирая собственный нехитрый запас вещей, он роется в воспоминаниях, и мысленно раздумывая, с каким ужасом отработал свои последние деньки в этом ледяном аду, расположившемся в этом захолустье.

Бесконечные нападки со стороны сектантов различных объединений, что били себя пяткой в грудь, будто они «защитники простого народа» и «ревнители народного благополучия», которые, «пользуясь правами, предоставленными Конституцией» пришли отстаивать права и свободы граждан.

Требования, эти полоумные фанатики, выдвигали самые различные, которые только могли прийти в голову большому свободой человеку. Они требовали, то повышения зарплат, то постоянно уведомляли о проведении какого-нибудь митинга, то постройки «Церкви веры в Богиню-Мать», то ещё что-нибудь неординарное и противоречащее здравому смыслу. Когда Эрнест им отвечал, что за зарплату отвечает Корпорация, провести митинг в «минус сорок» нежелательно, так как это чревато ухудшением здоровья, а построить церковь нельзя, ибо на этом месте уже стоит госпиталь помощи бедным, помогающим нищим быстро и безболезненно уйти из жизни по принуждению Корпорации, так как у неё якобы нет денег на обеспечение госпиталя, то ему сразу начинали, чуть ли не в лицо плевать и называть преступником. Его тут же обвиняли в «деспотизме», и брались истошно орать, что необходима «власть либералов, что будет ориентироваться на народное большинство и уважать права граждан». И Эрнест, делая вид, что соглашается и идёт на уступки, говорил, куда необходимо было идти. А тут,

«ревнителей народной свободы» пускали по бюрократическому кругу, что больше смахивал на бесконечный водоворот.

И это ещё не самое страшное, что могли выкинуть, новые «защитники свободы». Один из случаев мужчине запомнился на долгое время.

Это случилось несколько месяцев тому назад, когда мужчина ещё вникал в сущность работы бюрократического механизма, в который он попал и стал «маленькой шестерёнкой». Он спокойно работал, никого не трогал, как к нему ворвалась женщина, преисполненная гнева и злопыхательства. Её красные, от того, что были залиты краской, глаза подобно адским углям, раскаливали пространство. В кожаном корсете и берцах на голую ногу, она перепугала всех слуг Бюрократии в округе. Да и бесконечные татуировки по всему телу, вкупе с килограммом железа в виде пирсинга по всему телу, предавали ей такой неестественный «шарм», что был неимоверно противен и тошнотворен.

Как только «девушка» зашла, она стала неимоверно скандалить и орать на Эрнеста, круша всё, что ей попадалось под руку. Из её истошных криков, от которых стекло едва ли не пошло трещинами, мужчина понял, что эта «женщина» представляет некую феминистскую организацию и пришла сюда отстаивать права женщин. Эрнест её попросил успокоиться и объяснить в чём проблема, чем вызвал у феминистки неподдельную ярость. Она фыркнула на него, будто он «посягает на её естественную Свободу – эмоцию и деспотично угнетает, требуя прекратить эмоциональность». Всё же Эрнесту удалось её успокоить и выяснить в чём проблема такой бури эмоций, которая накинута на работника Бюрократии. Оказалось, что эта «женщина» не была принята на работу в один из отделов «Узла», а отказ мотивировали отсутствием необходимых профессиональных навыков», что было-таки справедливым. Но девушка посчитала, что нарушены её естественные права и стала штормом проходить по каждому кабинету на этаже.

В итоге, вся история закончилась тем, что суд утвердил её на так ей желаемую должность и не стал принуждать к выплате компенсаций за нанесённый вред, так как «гражданка использовала собственные права, чем был исполнен акт самовыражения против патриархальной системы».

Вспоминая эту историю, Эрнест слегка улыбнулся, от осознания того, что ему больше не придётся выслушивать каждый день эту какофонию от «ревнивцев свободного мира».

Но мрак осознания, того, что теперь он едет туда, где повсюду, на каждом углу будут люди, потерявшие собственное человеческое достоинство, став уже неотделимой частью нового чудесного мира, подтачивает мужчину изнутри. И каждый «человек», в так называемом «Центре Свободы», во сто крат хуже и «свободолюбивее» чем здесь. Ибо там центр всей страны – откуда и пошла вторая волна «единой Свободы». И тут невольно для себя Эрнест ударился в небольшой исторический экскурс, знания которого сумел выискать в старых книгах и повестях, хотя и сам был свидетелем этих событий.

Мужчина вспомнил, как двадцать лет тому назад к власти на территории бывшей западной Германии пришли к власти и единому мышлению ряд политических организаций и торговых компаний. Это было воистину темнейшее время, готовое смениться светом новой зари, когда на юге из собственного пепла возрождалась идея нового и славного рейха, которую несёт новый Канцлер. На востоке подняли голову те, кто называл себя истинными коммунистами, и стремились привнести в мир как можно больше тоталитарного равенства и коллективного единства. И на первом Форуме было решено сохранить те «прелести», которые с собой несла Великая Европейская Ночь. Все на Форуме понимали, что наступает новая эпоха. Новейшая эра зари абсолюта различных идей, и выбор был сделан. Новая элита выбрала особо звучащее название для собственной страны – Либеральная Капиталистическая Республика и взяла идейные ориентиры – свобода и толерантность ко всему, смешанная с коктейлем рыночной бесконтрольной экономики.

Те правители нового государства понимали, что в одиночку им не выстоять и начался период «Великого Единения», когда все те государства, что оставались на территории Европы стали собираться под флаги истинной свободы. И как насколько можно было, столько земель и взято было. От Швейцарской Федеральной Конфедерации до Исландской Анархистской Унитарной коммуны, от Атлантико-Океанической директории до Восточной Бюрократии раскинулось новое государство, что понесло всю суть старого мира и веру в Свободу. Но мало кто догадывался, что эта за суть, которая признавала преступниками всех тех, кто выступает против свободы во всех её гротескных и уродских формах.

Внезапно все размышления Эрнеста развеялись, когда раздался дверной скрип, и к нему неспешно зашёл Матвей во всё том же костюмчике.

Лицо друга уже бывшего подчинённого Бюрократии исказилось в широкой улыбке матёрого торговца и дельца, что знает собственное дело досконально. А тем временем Эрнест уже застёгивал свой старый и потёртый кожаный чемодан, в котором покоились нехитрые вещи, необходимые только на время переезда, так как Компания его всем обеспечит.

– Ты победил на выборах, – с улыбкой заявил Матвей, явно подкалывая своего старого друга.

– Да ладно! – с сарказмом и улыбкой воскликнул Эрнест, широко разведя руками.

Представитель Корпорации, чуть кряхтя, присел на диван, и с собственного лица скинул ненавязчивую улыбку, после чего нерасторопно стал говорить:

– Эх, Эрнест, мне, как представителю Компании и Почётному Представителю Интересов Министров, необходимо разъяснить тебе твои полномочия, права и обязанности на новом посту.

– В Федеральном Законе всё же сказано, – с недоумением сказал мужчина.

– Забудь про него, – с толикой брезгливости фыркнул Матвей. – Тебе нужно лишь знать, зачем мы тебя выбрали и отправляем туда.

– Хорошо, – промолвил Эрнест и присел на своё кресло.

– Ты должен знать, что весь наш парламент делят «идейные придурки» в виде феменисток, союзов гендеров, десятки партий, принадлежащих Культуре Государству и иных не очень здоровых людей... и нелюдей.

– Нелюдей?

– Не удивляйся. Вот когда увидишь – будешь диву даваться. А сейчас просто слушай. Они от собственных общественных движений формируют специальную коалицию, имеющую большее распространение в «палате народной свободы». Вторым звеном Форум Свободы разделяют Культ Конституции и Корпорации. Вот они уже реальная сила, среди которой Компании – самый опасный зверь. И посреди всего этого балагана ты должен знать несколько важных вещей. Во-первых, не забывай, чьи интересы ты там представляешь. И это не интересы Восточной Бюрократии, а нашей Корпорации, и не смотри, что мы тебя приписали уже к партии. Во-вторых, будь сговорчив, ибо среди Корпораций мы – меньшинство и тебе придётся зачастую договариваться с представителями других Компаний.

– Но почему именно на Форуме Свободы? – поинтересовался мужчина. – Почему Корпорации не могут договариваться вне парламента.

Матвей слегка усмехнулся и пояснил суть того, что они имеют представительство в парламенте:

– Послушай, ты такой наивный. Контроль – вот в чём вся проблема. Корпорации – они как нити, что связывают регионы между собой, под собственной властью. И, связываясь между собой, именно Компании сохраняют страну от распада. Мы не должны упускать из виду то, что творят в парламенте всякие сумасшедшие и идейные дурачки. Да и никто не должен без нашего ведома решать вопросы государства, ибо мы упускаем выгоду.

– Контроль в демократическом государстве, – усмехнулся Эрнест.

– Пойми, все свободы и либеральные принципы существуют, потому им позволяют существовать Корпорации и Культ, ибо им это выгодно. Если им понадобится свернуть всю эту «демократию», то они это сделают без особых трудностей и за пару дней.

– Понятно, – выдавил мужчина, поняв, что он всего лишь инструмент воли Корпорации, который используется для усиления влияния.

– Надеюсь, ты не расстроился, что тебе придётся исполнять роль вестника наших идей, а не воли народных масс. – Словно цитируя последние слова, произнёс Матвей.

– Это было понятно с самого начала, что мне отведена роль депутата пол неволе, – Бесстрастно начал Эрнест и тут же задал вопрос. – Но почему Корпорации стремятся к полному контролю?

– Разве ты не понимаешь? – Смутился друг. – Это условие выживания в мире, который пережил и кризисы и войны. Только полный контроль и условная договорённость может выступать гарантом мира.

– Но разве это не ведёт к ущемлению прав, – парировал Эрнест.

– Ты знаешь эту историю не хуже меня. Все денежные и ресурсные потоки повязаны на Компаниях. Разруби их сегодня и страна развалится и вернётся к хаосу. Все это понимают. Как и сектанты свободы, так и политики, которые собирали нашу страну, но допустили существенный просчёт, когда начали строить мир на столпах свободы, ибо этой же свободой и выложили себе дорогу к власти Корпорации, ну и Кulta Конституции.

– Понятно. – Без эмоций кинул мужчина.

– Поверь мне, мой друг, – с бравадой уже продолжает Матвей. – То, что ты здесь увидел, это лишь малая толика того, что тебе предстоит испытать там.

– Я понимаю.

– Не думаю. Приготовь свой разум к тому, что тебе придётся увидеть на улицах толпы больных и опьянённых свободой людей, которые тебя любыми способами попытаются обратить в свою «веру». Приготовься разумом, ибо то, что ты там увидишь, перевернёт твоё сознание.

– У меня забрали сына, потому что я его воспитывал в духе старой морали. – С грустью заговорил Эрнест и мрачно заключил. – Меня уже ничем не удивишь.

– Ты уверен? – С лёгкой усмешкой спросил друг. – Поверь, когда ты вчитаешься в законы по правам андроидов, или возьмёшь в руки Зоо (Зверинный) Кодекс, то ты поймёшь, что такое – безумие. Ну а если ты доберёшься до Принципов Защиты Ребёнка от Тирании и Влияния Родителей, то ты, наконец, осознаешь, что Корпорации со всей их переделкой мира, лишь добрые наблюдатели, решившие в этом сумасшествии заработать.

– Ну а как же их свобода? – С сарказмом, не знаю почему, спросил Эрнест.

– Свобода, говоришь... «Всякие права и свободы являются священным для граждан Либеральной Капиталистической Республике, и подлежат яростной защите и истреблению всяких врагов свободы, если этот враг – она сама». – Прочитировал Матвей один из текстов Кulta Конституции.

– Это же двоемыслие. – Смущённо бросил новый депутат.

– Ты должен понять, мой друг, сегодня у того власть, кто правильно понимает слово «свобода» и кто владеет исключительным правом на монополию его трактовки. И у того, кто есть эта привилегия, при всей демократичности общества, является его незримым пастухом и даже либеральным диктатором, наделённым неограниченными полномочиями в отношении тех, кто неправильно понимает слово «свобода». И вся прелесть в том, что общество само наделяет их таким правом.

– Но разве такое возможно? Это же больше похоже на...

– Ахинею, – закончил за другом Матвей и продолжил. – Я понимаю тебя, но посмотри на Кulta Конституции.

– А что с ним?

– Ох, и в правду, я забыл, что ты живёшь на отшибе.

Эрнест готов был воспринять эту реплику, как за издевательство, ибо его друг прекрасно знал, что ему нельзя никуда выезжать, и он работал как проклятый на этом «узле», в поистине адских условиях, но смягчился, простив своему другу эту оплошность, продолжая его слушать.

– Культ Конституции это единственная организация, а точнее – секта, которая способна на равных разговаривать с Корпорациями. Именно этот Культ, преисполненный ревностной верой в то, что и написал, подчинив себе всех больных либерализмом на голову, неусыпно следит за тем, чтобы повсюду поддерживался уровень свободы.

– А почему она такая могучая? – Поинтересовался Эрнест.

– За ней следует практически весь народ, все граждане, которые есть. От мелких сектантов, ударившись в религию свободы, до крупных федеральных чиновников. Так же ты должен знать, что у истоков нашей страны стояла Партия Сохранения Свободы и Веры в Конституцию, что затем и переродилась в Культ Конституции, что словно древний орден, взял власть над государством.

– Но как такое стало возможно? Я жил в ту пору и могу тебе сказать, что не видел подобных процессов. Всё выглядело, будто огромная лавина больных свободолюбцев всё решила.

– Потому что они захотели, чтобы всё так выглядело, чтобы скрыть истинность собственных намерений.

– То есть? – с явным недоумением прозвучал вопрос.

– За всеми силами, которые олицетворяют «свободу» стоит именно Культ Конституции и именно он один всем руководит. Запомни – в обществе полностью все дозволенном и либеральном возможна только незримая диктатура, ибо без неё сам социум разлетится на тысячу осколков. Необходимо держать, как сейчас говорят, «субъекты гражданского общества» под полным контролем, чтобы они не съели сами себя. И в роли политического диктатора выступил Культ Конституции, связав всей идеей такой Свободы, что сама по себе противоречит свободе.

– Я тебя не понимаю, – уже чётко и звонко сказал Эрнест, явно не осознавая, о чём говорит его друг, причём перейдя на столь замудрённый язык.

Матвей тяжело выдохнул и встал с кресла, издавая при этом старческие кряхтения. Возраст давал о себе знать. После чего мужчина слегка улыбнулся и кинул фразу:

– Когда приедешь туда, ты поймёшь, о чём я говорю. Я там уже был, всё видел, всё понял, поэтому и говорю так. Я тебе не завидую, потому что тебе тоже это придётся понять, если ты не хочешь лишиться рассудка.

После чего он подковылял к двери и, повернувшись к Эрнесту, продолжил говорить:

– Ты знаешь, мы с тобой, вырождающийся вид, которому приходит на смену «новый человек свободных ценностей и морали». Так что, мальчик мой, не подведи меня.

И после этих таинственных слов покидает старый кабинет, оставив парня один на один с собственными мыслями и посеянными смущениями.

Всё, что смог понять Эрнест, это то, что необходимо исполнять волю Корпорации, которая будет исходить от куратора, а так же стремиться к сотрудничеству с другими Компаниями. И больше ничего. Всё остальное для него так и осталось покрытым вуалью неясности и некой странности, которая плотной пеленой легла на его рассудок.

Но отбросив все смущения, мужчина взял чемодан и подался прочь из кабинета, оставив его закрытым, и пошёл сдавать ключи, вместе с правами на него. Его миссия здесь окончена, но новая лишь начинается, но она, её представление, уже было омрачено столь сумрачным предупреждением, полным неясности.

Глава шестая. Танец клинков, снега и горя

Юг Швейцарской Федеральной Конфедерации.

Командор быстро увернулся от вереницы трассирующих пуль, которые ударились в ближайшее дерево, отчего оно плюнуло подледневшей древесиной. Эстебан упал на снег и продолжил отстреливаться из обычного пистолета, посылая зал за залпом в снежную даль.

Весь серебряный лес разрывают звуки яростной интенсивной стрельбы, которая накрыла практически всю лесную чащу. Трассирующие пули свистели как бешенные, разрывая пространство на части, временами игриво плясав по снегу.

Эстебан лежал в снегу и вёл отчаянный бой с теми, кто пришёл сюда только за одной целью – убивать. Он пытался отстреливаться, но делать это из обычного пистолета было весьма проблематично. Ему поддержку оказывал Антоний, который вёл пальбу очередями из старого автомата по быстро передвигающимся противникам. Ротмайр же предпочёл вести размеренный огонь из древней винтовки, предназначенной для охоты, стараясь целиться как можно лучше.

Всё завертелось очень молниеносно. Командор возвращался из пограничного городка, медленно идя по зимнему лесу. Он уже видел и дом, и Габриеля, как был облит волной из залпового огня. Благо броня Полк-ордена выдержала, и всякая пуля завязла в пластинах металла. Юноша в эту же секунду скрылся в глубине дома, а Эстебан стал вести неравный бой с неведомым противником. И только потом, вооружённые, к нему присоединились Антоний и Ротмайр, сделав положение товарища на толику лучше, вступив в неравный бой.

Командор видел в прицеле цель и выпустил за несколько секунд в неё весь магазин. Пули с лязгом отскакивали от странной цели, облачённой в чёрные одеяния, которые мерцали на снегу, временами выпадая из вида совсем.

Эстебан, Антоний, да и Ротмайр знают, с кем ведут бой. Два противника, отвечая трассирующими очередями, словно грациозные гимнасты перемещались по снегу, когда само движение в нём было затруднительно, из-за постоянно вязнущих в снежной массе конечностей.

Парень снова начал обстрел стремительно приближающейся к нему цели. Три пули устремились в полёт. Только две долетели и отлетели от невиданной брони, а затем цель просто замерцала и исчезла, а в её месте движения, словно тень, продолжало путь некое искажение пространство, которое на фоне слепящего снега становилось практически невидимым.

Дело становилось плохо. Командор, откинув пистолет, стал со всех ног бежать к дому, расстояние до которого было примерно метров сто пятьдесят. Но таинственная цель была намного быстрее, словно её подгоняла невиданная сила, и справлялась с расстояниями намного лучше, всё ближе становясь к Эстебану.

Антоний и Ротмайр, потеряв вторую цель из виду, обратили свои орудия к тому, кто устремился к Командору. Но не одна цель не поражала врага, ибо пули лишь отскакивали от брони, или пролетали мимо, рассекая лесное пространство. Ничего не могло поразить эту цель, а любой выстрел оставлял лишь царапину.

Невиданная тень становилась всё ближе к Командору. В её руках, как только автомат был отброшен, появились короткие клинки, явно бывшие длинными и простыми кинжалами, выполненные из крепкого металла. И единственное, что оставалось Эстебану, это приготовиться к тяжёлому бою за собственную жизнь.

Командор потянулся к короткому мечу, висевшему за пазухой, и больше напоминавший широкий гладий. Звук вынимаемого клинка прозвучал подобно знаку того, что к битве всё готово.

Странный противник был одет, а прилегающие кожаные одежды, прикрытые небольшой броней, но из-за нестандартного рельефа тела становилась понятна истинная причина такой ловкости врага...

Первый удар Эстебану пришёлся в грудь. Вынырнувшая из невидимости тень стремительно атаковала и выполнила пинок такой силы, что мужчина попятился назад, но не упал. Командор контратаковал, но его движение было заблокировано кинжалом, и второй клинок стремительным движением был направлен прямо в грудь. Лезвие погрузилось неглубоко, пластины металла удержали натиск и мужчина перешёл в яростное контрнаступление.

Командор освободил от блока свою правую руку и направил неистовой силы удар в конечность противника. Удар пришёлся прямо в место связки кисти и руки противника, отчего последовал металлический звон. Кожаная перчатка и связи с рукавом порвались, сию же секунду потекла кровь, перемешанная со странным маслом.

Противник странно рыкнул и отступил на несколько шагов назад, продолжая удерживать кинжал в подёргивающейся руке.

– Так значит, всё-таки уязвим. – С лёгкой улыбкой сказал Командор, но в ответ ему лишь пришла холодная тишина, сменившаяся новым натиском.

Эстебан заглянул в глаза своему врагу. Лицо противника было скрыто под боевой маской, которыми обычно пользовались солдаты Полк-ордена, но глазницы отражали подобие сокрытого безумия и сияющего танцующего во тьме пламени.

Странный и ловкий человек вновь стремительно атаковал. Его кинжалы блеснули на снегу и солнце. Каждый удар упирался в пластины металла, но не находил плоти. Однако броня Командор трещала всё чаще и чаще и готова была сдаться под сумасшедшим натиском, предательски проломившись под очередной атакой.

В свою очередь и Эстебану, несмотря на всю ловкость неприятеля и его ловкость, удалось достать клинком брони врага, но каждое попадание отмечалось лишь металлическим лязгом и снопом искр.

Этот бой не мог продолжаться больше, ибо враг был прекрасно обучен и даже во многом превосходил Эстебана в бою. Их клинки сверкали в свете серебряного солнца и бриллиантового снега, но тут бой приготовился к своему стремительному завершению.

Командор отразил ещё пару ударов, но тут же был подкошен ударом с одной левой и опрокинут на землю. Враг на него тут же навалился всем телом и придавил руки правой ногой и левой рукой, чем лишил меча, оставив правую конечность для последнего удара.

Вот ужасающий неприятель занёс правую руку, со всей силы сжимающей блестящий кинжал, направив его для удара в голову. «За Архиканцлера и Его светлый лик» – вскрикнул воин и начал наносить удар. И казалось, что это конец.

Внезапно, со звоном и характерным рёвом прилетает пуля в левую руку врага, попав с такой выдержанной точностью, что конечность соскользнула на несколько секунд, но и этого хватило. Командор в один миг нащупал собственный гладий и со всей силы нанёс, казалось бы, роковой удар.

Сияющее лезвие, с бешеной скоростью, и неумолимо направилось прямо в голову врага. Скорость реакции врага была поистине замечательна. Он сразу же стал уходить из-под удара, уводя голову назад, и остри меча прошло мимо, отчего раздосованный промахом Командор среагировал с собой злобой. Он со всей силы пихает левой ногой по неприятелю и, приложив максимум усилий, направляет по дуговой линии прекрасный меч обратно.

Лезвие клинка коснулось незащищённой шеи, хоть и отчасти, но и этого стало больше чем нужно. Заточенный клинок аккуратно коснулся плоти под чёрной кожей и дошёл до артерии, разрезая и её...

Начав хвататься за шею, враг стремительно отступил, орошая белый снег кровью, делая его алым, липким и неприятным. Противник хватался за жизнь из последних сил, стараясь уже

убежать, но этого не хватило, что бы скрыться от правосудия Командора. Он подошёл сзади к атакующему и направил удар прямо в шею. Острие клинка вылезло под подбородком, по лезвию которого стекала кровь, поливая её снег.

Странный неприятель ещё пару секунд кряхтел, после чего замолк и Эстебан сбросил его со своего оружия и направился к собственным друзьям. Труп смачно лёг на белоснежный покров, уже перестав представлять опасность.

– Где второй?! – закричал Командор, удерживая в боевом положении гладий, внимательно смотря по сторонам.

В ответ было лишь мрачное молчание, которое только угнетало обстановку, делая её поистине зловещей и невыносимой. В лесу встала непроницаемая тишь, неразрываемая даже скрипом снега, по которому можно было определить местонахождение противника. Только гнетущая тишина.

Внезапно из тени пространства вылетел странный, плотно набитый мешок, от которого исходил истошный писк. Все поняли, что это было, но реакции не хватило.

Оглушительный взрыв разорвал лесное спокойствие, а земля поднялась вихрем снежно-земляного салюта. Мощная ударная волна разбросала всех, кто попал под её действие, отбросив Командора как можно дальше от дома, а Антоний и Ротмайра выкинув от его порога на метра три. Силы взрывпакета хватило, что бы перепахать снег и заледеневшую землю.

Эстебан лежал практически обессиливший и потерявший сознание, но он нашёл силы в себе, чтобы встать и продолжить путь, изрядно шатаясь и удерживаясь за торс. Антоний и Ротмайр практически полностью потерялись из сознания мужчины, который со скоростью бега черепахи шёл к дому.

Тем временем враг скинул с себя вуаль неясности и тьмы. На виду показался высокий человек, облачённый в такую же броню и кожу. Он встал прямо напротив входа в дом, приготовившись свершить правосудие своего повелителя, словно потусторонний жнец стремиться исполнить чёрную волю хозяина.

– Ассасин! – крикнул Командор, желая хотя бы замедлить продвижение искусного противника.

Но враг даже и головой не повернул и продолжил свой ход рока. Неожиданно на него кинулся Антоний и попытался опрокинуть на снег. Однако противник бесстрастно вынул пистолет из кобуры и сделал несколько поочерёдных выстрелов практически в упор, но пули угодили в лёгкий бронежилет. От боли Антоний упал на землю, сжался и застонал.

– Поскуда! – взревел Эстебан и, переходя на бег, направился в атаку, одержимый желанием расправиться с гнусным противником.

Неприятель внезапно развернулся и направил дуло пистолета прямо в лицо Командору, который находился буквально в пяти метрах от цели. Этот выстрел однозначно принёс бы смерть Эстебану, поэтому он остановился и стал выжидать, ясно зная конец...

Вдруг со стороны дома раздался выстрел, который угодил в торс противнику, не причинив ему никакого вреда. Противник медленно развернулся и увидел, как в дверном проёме стоял некий юноша, неумело двумя руками удерживавший пистолет, который для него был лишь целью.

Эстебан не знал этого паренька, но инстинктивно закричал:

– Беги, идиот! Беги!

Юноша так и поступил, но было слишком поздно. Неприятель отвлёкся от Командора и одним размашистым движением, начиная от специального кармана на груди до полного выравнивания руки, запустил в полёт тяжёлый метательный нож, который в мгновение ока скрылся во тьме дома... Но цели он достиг. Это ознаменовали резкий вскрик и последовавший за ним женский протяжный крик.

Командор рассвирепел и кинулся на губителя жизней. Но к его, же досаде он был остановлен внезапным пинком в грудь, силы которого хватило, что бы откинуть мужчину на два метра.

Эстебан лежал в снегу и не мог встать. Его рёбра раскалывала жуткая, практически нестерпимая боль, которая адским пламенем бушевала в груди и сковывала всякий вздох, не давая даже нормально дышать. Парню оставалось лишь наблюдать, как к нему, в полном и устрашающем безмолвии подходил враг. Шаги были медленными, а хруст снега становился подобен раскатами рока. Наверное, это был конец...

Но тут, внезапно послышались выстрелы, которые были как нельзя метки. Командор повернул голову и увидел, что из своего старого револьвера стрельбу ведёт Ротмайр, поливая свинцом противника. Выстрел за выстрелом, с невиданной меткостью они ложились куда нужно... И когда шестой патрон был использован и с рёвом достиг цели, то небольшой, практический незаметный горб на спине врага вспыхнул жёлто-светлым пламенем и стал фонтанировать снопами искр.

Неприятель стал хвататься за спину, стараясь как можно быстрее потушить пламя, и не заметил, как к нему подбежал Ротмайр. Мужчина был суров. Противник попытался ему оказать сопротивление, но каждое движение ему давалось со сложностью, и было жутко медленно, будто всякую конечность налили свинцом. Ротмайр увернулся от нескольких ударов и пнул врага в колено, отчего противник попятился назад и приготовился выйти в контратаку. Но его планы нарушил Командор, которого неприятель так опрометчиво не заметил...

Лезвие гладиая мягко коснулось незащищённой шеи своим острием. Клинок проткнул чёрное покрытие и вышел с другой стороны, на раз перерезав позвонки. Затем Командор прокрутился вместе с коротким мечом возле врага и через секунду все крихтения спали, а на снег упала голова противника, после чего обмякло и тело...

– Ассасины! Что б их! – выругался Ротмайр, перезаряжая револьвер и оправляясь от боя.

К ним подковылял Антоний, удерживавшийся руками за рёбра, которые наверняка были ушиблены. Командор их оглядел, и только сейчас до него полностью дошло, что он не смог уберечь парня по имени Артий.

Из дома уже доносилось лёгкое женское хныканье, которое разносилось по лесу подобно скорбной песни, наполненной печалью и горем. Никто не подозревал, что в их маленький мирок, в эту идиллию ворвутся, облачённые в лёгкие экзоскелеты «Разведчик», ассасины самого Архиканцлера, который не захотел, чтобы его планы и поступки, о которых он тщательно скрывал, кто-то знал. Его стремление было – уничтожить, и он не остановиться. Эстебан это знал.

Командор понимал, что сейчас все мысли должны быть направлены к печали за такую потерю, и что более важно – если бы не Артий, то смерть Эстебана настигла в тот самый момент...

Мужчина направился в дом. За ним, не произнеся не единого звука, направились в дом Антоний и Ротмайр, также проникнувшиеся моментом печали.

В доме их ждал умирающий Артий. Он лежит на животе, не в силах выполнить даже шевеление. Никто не спешил ему помочь, ибо не знал как. Под ним блестит лужа крови, а из спины, области сердца, торчал острый серебристый нож. Парень издавал последние предсмертные крихтения, уже не в силах шевелить губами.

Вокруг него собрались все те, кто был в доме. Элен тихо ныла, повиснув на плече Верна, который стоял с гримасой, на которой нашли свой отпечаток ужас и страх. Лицо Алехандро наполнилось шоком и потерянной, став олицетворением иступления. И Габриель, что достойно держался, смотрев на смерть своего друга. Он просто стоял и скорбел, не роняя слёз.

– Сделайте что-нибудь! – срываясь на крик, потребовала Элен.

Командор обратил на девушку свои нефритовые глаза и спокойно, без эмоций ответил:

– К сожалению, мы тут бессильны.

– Кто это был? – Прозвучал вопрос от Габриеля.

– Ассасины нового правителя, выходцы из Имперской Школы Агентов или Академии Смерти... не знаю. Они посланы для того, чтобы устранить вас.

– За что!? – иступлённо кинул Алехандро.

– За то, что вы некогда знали Архиканцлера, в бытность свою известного как, Лорд-Магистрариус, а так же осведомлены в его прошедших планах и преступлении против народа Рейха. – Без лишних эмоций пояснил Эстебан.

Вот на полу издались последние кряхтения, и парень испустил дух, вконец обмякнув и перестав дышать. Элен в сию секунду заревела пуще прежнего и ещё сильнее упёрлась в своего молодого человека, словно попытавшись в нём спрятаться.

– Его бы похоронить нужно. – Грузно подал реплику Ротмайр.

Эстебан, зная, что необходимо делать, решил поделиться с другими собственными мыслями, зная, что это единственный выход:

– Я предлагаю вам собрать вещи. Больше здесь нельзя оставаться. Поблизости могут быть ещё ассасины, которые непременно пойдут по следам товарищей.

– А куда мы пойдём? И что делать там будем?

– Нам необходимо найти другое место пребывания. А оттуда уже планировать следующие действия.

– И куда нам идти? В тот заброшенный городок?! – Чуть ли не вспыхнул Верн.

– Нет, – сухо начал Командор. – В нём наверняка уже расставлены ловушки Ассасинов. Единственное, что мы можем, это направиться в сторону Южной Диархии и там остаться на время.

– Куда отправиться?

– В один из субъектов той страны, в которой мы находимся. Там у меня есть пара знакомых должников, которые смогут нас приютить. Точнее, помочь найти приют.

Все уяснили суть сказанного, поняв её как то, что необходимо покидать это злополучное место, в котором осталось место лишь печали и скорби. На губах Алехандро даже проскочила лёгкая улыбка, ставшая знамением того, что парень был рад отправиться навстречу свободному миру.

И только Эстебан знает, во многом догадываясь, что их там ждёт. Какие ужасы «свободы» подстерегают людей на каждом шагу, но он понимает, для того что бы добиться успеха, необходимо пользоваться всеми преимуществами, которые даёт этот мир, вроде свободного передвижения и «льготы мигрантов». Командор готовился духом к выполнению той миссии, в которой поклялся двадцать лет назад.

Глава седьмая. Одержимость вещиизмом

Спустя день. Территория Южной Диархии.

Как ни странно, но сегодня впервые за долгое время на этой земле выпал снег, покрывший город Микардо тонким слоем белой пелены, что стала тусклее в тени этого мрачного города. Лёгкий ветер так и продолжает дуть, кружа в воздухе мелкие снежинки, создавая прекрасный и неповторимый танец, который слегка предавал городу ощущение невинности и благополучия, что было страшной иллюзией.

Лютер шёл по городу, рассматривая кружащийся в воздухе балет снежинок, и это завораживало его сознание. В этом крае он ещё ни разу не видел снега, а посему ранее всё для него было более безликим и однотипным, несмотря на относительную пёстрость города.

Сегодня парень решил одеться немного теплее, а поэтому на нём красуется серая утеплённая куртка, отчасти напоминающая ветровку, чёрные джинсы, уходившие под невысокие сапоги. И вся эта одежда некогда была предоставлена Корпорацией, как «душевный подарок, несущий добрую волю Компании, направленный на благополучие студентов». И юноша не знал, что эта одежда была отобрана у тех, кто не смог уплатить свои долги Корпорации, и не был защищён ни государством, ни «субъектами гражданского права», оставшись один на один со своим кредитором, лишились всего, вплоть до домов. Такова была «милость» Компании, которая, ориентируясь на Закон «О должниках и мерах взыскания», имела право забрать всё, так как «человек, чьё Право на пользование собственными средствами было ущемлено не возвратом долга, имеет Право забрать у должника имущество в соответствии с суммой задолженности, и восстановить своё священное Право».

Но парень этого не знал, и в чём-то это было хорошо, так как если юноша узнает, то совершенно точно вернёт эти вещи.

Лютер не спеша шёл в своё ВУЗ на занятия и рассматривал улицы города. Всё было так же и ничего не менялось. Так же могли шататься пьяные люди и всех донимать, и полиция не имела возможности их задержать, ибо, как было записано в Кодексе Потребления, разделе «Удовольствия и пища»: «человек имеет право на употребление алкоголя, тем самым реализуя собственное право на получение безграничного удовольствия, в достаточных количествах и все его действия в данном состоянии являются актом глубинного самовыражения». Полная ахинея со стороны человека, который жил лет триста тому назад, но абсолютная норма для жителей Либеральной Капиталистической Республики.

И порой десятки людей шатались в пьяном состоянии по городу, вытворяя самые немыслимые вещи, нередко приводившие к смерти. Но полиция была бессильна, ибо люди пользуются правом на удовольствие, а, как сказано в Конституции – «Право – священно и неоспоримо».

Но это был ещё не предел. Согласно Кодексу Потребления, разделу Удовольствие полового типа, «каждый, кто пожелает использовать своё священное Право на получение сексуального удовольствия, может реализовать его на местах, которые предусмотрены настоящим Кодексом». А таких мест было множество: лавочки, тротуары, залы кафе, кинотеатры, в общем – всё, кроме дорог и взлётных полос. И никто не смел остановить пакостное прелюбодеяние, что разворачивается на глазах людей, несмотря на то, что рядом могут быть дети, ибо люди «используют свои Права, а это не может преследоваться по закону или осуждаться». Именно «осуждаться», и если некий гражданин начнёт публично осуждать этот неприличный, с его стороны, акт сношения, то его могла задержать полиция, за то, что «гражданин подвергает публичному осуждению естественные права и Свободы других граждан», а это в свою очередь, как говорили сторонники Культа Конституции: «приведёт нас в эпоху тирании и духовного

диктата, повергая саму суть свободы, а значит, любое осуждение прав и Свобод должно строго и жестоко пресекаться».

И так каждый день на улочках и всех возможных местах города предавались любви сотни людей: от обычного онанизма, до половых актов с животными и прелюбодеяний группового типа, а порой даже впадай в зверское и совершенно античеловеческое БДСМ, совершенно наплевав на то, что рядом могут быть люди с детьми. Никто просто не имел ни возможностей, ни полномочий прекратить оргии, ибо люди безобидно «реализуют Право на свободу интимной жизни, предоставленное Конституцией».

Но самым жутким были те, кто «использовали Право на получение удовольствия путём употребления наркотических средств». В Либеральной Капиталистической Республике, «во имя прав и Свобод людей», разрешены все возможные наркотические средства, ибо «это помогает гражданам более широко и разнообразней реализовывать собственное право на удовольствие и ещё сильнее утверждает Свободу, в случаях, разрешённых законом».

И, пользуясь «Правом», люди курили, кололись и закапывали в глаза самые различные мыслимые и немыслимые вещества, которые только могли предоставить те, кто торгуют наркотиками. Нельзя употреблять наркотики только тем, кто заступил на ответственную работу, от которой зависело множество жизней, но это не умоляло общей деградации населения, которое давно превратилось в странных и во многом безвольных существ.

А все остальные, кто мог и считал необходимым, употребляли наркотики в таком количестве, что не снилось никому ещё полвека назад. Люди, обколотые и окуренные, выходили на улицы и творили вещи, что не мыслимы трезвому рассудку. Могли спокойно спрыгивать с крыш, лезть под машины, нести несуразицу и приставать ко всем на улице и просто вести себя, словно человек в один момент потерял рассудок. Был случай, когда человек, пробравшийся на стройку, нашёл шланг, ведущий от системы бетоноподачи, и решил воспользоваться «Правом на получение удовольствия нестандартным типом», он просто вставил себе шланг ректально. И никто из рабочих не стал его останавливать, так как это стонет «опаснейшим проступком, направленным на пресечение акта реализации Права». В итоге, обколотый человек попросту скончался, так как у не хватило денег на то, чтобы оплатить услуги скорой помощи, которая взяла курс на «рыночное становление».

Лютер, продолжая идти по улице, в достаточном количестве видел, как свобода плещется через край и расплёскивается на улицы города, которые медленно превращались в помойку, так как люди выкидывали мусор прямо на прохожих, а дворники, не получившие оплаты, не выходили на улицы. И среди растущих помоек и антисанитарии могли предаваться «актам Свободы и потребления» порой сотни людей, считавшие, что таким образом они становятся свободнее. И юношу от этого тошнило, выворачивало от злости, но он ничего сказать не мог, так как это просто противозаконно, да и сами люди, в «свободном порыве», могли на него наброситься за то, что он попирает их конституционные и естественные права.

Парень проходит по улицам города, озираясь по сторонам, чтобы за ним не увязался какой-нибудь сумасшедший, где единственным украшением зданий стали тысячи рекламных пёстрых, до безумства цветастых транспарантов и баннеров, которые подобно одеялам могли закрывать целые постройки. На каждом плакате могли быть самые различные и разнообразные объявления и рекламы. От популяризации нового наркотика, рекламы свежего товара, объявления о создании очередной секты до сообщения о Фестивале Зоофилов или о параде свободы, который в конце, с наибольшей вероятностью мог вылиться в одну огромную оргию. И это было тошно для юноши, практически на уровне нестерпимости, которая всё больше давала о себе знать.

Однако, разгуливая по городу, не только идя в институт, парень замечал в глазах либерально настроенных горожан, некое безумие, тень сумасшествия. Лютер знал, отчего в их очах

играет сумасбродность. Близится день «Чернейшей распродажи», а значит, практически все ломанутся сметать товары с полок магазинов.

В памяти юноши не потухли примеры истекших «чернейших дней распродажи». Стайки блоггеров, репортёры, да и просто камеры в магазинах вписывают в электронную память каждый момент. Скидки порой достигают пятидесяти процентов, что в стране очень-очень редко и именно за этим гонятся граждане. Они врываются в магазин подобно дикому стаду, сносящему всё на своём пути и разрывающему за товар каждого, кто встанет у них на пути. Десяток тысяч в одном супермаркете или тридцать процентов, от покупателей, смертей – минимальная норма. Люди и нелюди давят друг друга, дерутся и опрокидывают и сотни умирают под грубыми подошвами. Убийства за вещи, вроде – забить коробкой, проткнуть гвоздём, зарубить покупной пилой или прорубать себе путь топором – в порядке нормы, ибо как говорит один из законов – «гражданам, во время «чернейших распродаж» дозволено получать право на удовольствие, право на получение товара или самовыражение любым приемлемым способом, отвечающим принципам максимальной Свободы».

Ум парня отказывается выносить это. Многие его знакомые так и алчут «чернейшей распродажи», чтобы взять товары со скидкой, вырывая его вместе с руками у других потребителей. А товарищи, занимающиеся «активным блоггерством» готовят камеры, чтобы запечатлеть во всех цветах красочное побоище, и выложить его в сеть, получив беспредельное количество «лайков». А в Либеральной Капиталистической Республике «лайки» можно переводить в деньги.

Лютер решил пройтись через местный маленький парк, чтобы отвлечься от мрачных воспоминаний и мыслей, но вскоре об этом пожалел. Там, пользуясь своей свободой и безумным правом, прямо на снегу, практически раздетыми валялись три человека и странно, сквозь дикий рёв смеялись, а их одежда разбросана в странном хаотичном порядке, словно они её срывали и тут же кидали. Их лица исказились в дикой, совершенно демонической гримасе, вздувшись и став красными. Парень, увидев несколько пустых шприцов, сразу понял, что это люди одурманенные наркотиком.

Внезапно его внимание отвлекло странное воззвание, наверняка обращённое к нему:

– Эй, гражданин, – прозвучало впереди каким-то мерзким и тонким голосом, от которого становилось не по себе.

– Да? – обернулся на источник голоса юноша, отвернувшись от наркоманов.

К нему подходило два человека. Первым шёл высокий амбал, чуть больше двух метров в длину и весьма специфическим лицом, которое больше напоминало лысую рожу боксёра. И словно, потакая всеобщему безумию и сумасшествию, на этом мужлане была короткое белое платице, колготки, чёрная шляпа с перьями, всё лицо намалёвано пудрой, помадой, а глаза подведены тушью, в руках удерживался зонтик. Второй человек был ниже среднего с характерными женскими чертами лица. Но этот гражданин был одет в светло-розовый пиджак, который доходил практически до колен, широкие брюки и довольно длинные остроносые туфли, которое казалось бы должен носить клоун в цирке.

Два человека подошли к Лютеру. С короткого кивка мужлана другой человек заговорил скрипучим, практически ржавым голосом:

– Ты нам нужен. Только тебе мы можем довериться.

– Что вы хотите? – сдержанно спросил юноша.

Тут высокий «мужчина», положив тяжёлую руку на парня, грубым и пугающим голосом заговорил:

– Ну, я со своим мужем думаю замутить тройничок.

– Да, моя жена давно этого хотела. – Обратив безумный взгляд на свою «супругу» сказал человек в пиджаке.

Лютер воспринял это нормально, он знает, что подобных «парочек» пруд пруди в городе и ещё миллионы по всей стране. Юноша давно отработал метод того, как уйти из подобного веяния интимной свободы.

Юноша, начав с кивка, заговорил:

– Простите, мне нужно на учёбу, я спешу.

Тут «супруг» вспыхнул ржавеньким голоском, уйдя на срыв в конце:

– Ты смеешь отказывать нам в реализации нашей Свободы?! Вы понимаете, что противодействие актам Свободы карается законом?

Парень ещё спокойнее, словно со снисходительностью без эмоций достойно ответил:

– Я учусь на Корпорацию.

Этим было всё сказано. Четыре слова полностью отбили желание «супругов» выместить своё рвение на парне, поняв, что в будущем сотрудник Компании. Никто не хотел переходить дорогу Корпорациям, ибо они стремились к контролю над всеми сферами жизни в зоне собственного влияния и если кто противоречил их интересам, то следовало неумолимое возмездье.

«Мужчина» демонстративно отряхнул парня от снега и месте с «супругом» поспешил скрыться от взора юноши, не желая более его задерживать на пути к учёбе.

Лютер, испытав презрение к подобным «людям», продолжил гулять по улицам города. Но теперь он, используя все возможности мышц ног, уже спешил в институт, чтобы поскорее скрыться от подобных «пар» в стенах ВУЗа, как за стеной крепости.

Он шёл быстро, даже очень, но между тем стремился не задевать проходящих людей, так как это каралось законом, поскольку «личное пространство граждан – неприкосновенно, которое никто, в случаях не определённых законом, не смеет его нарушить».

Парень понимал, что всё это больше напоминает одну большую фантазмагорию либерального бреда, возведённого в ранг абсолютного права, но такова была его реальность, которую никак нельзя изменить, что стала монолитом, который ничем не пробить.

И вот юноша уже завидел свой родной ВУЗ, который подобно великану возвышался над низкими домами, чья максимальная высота в этом городе была не более пяти этажей. А университет подобно грузному великану, являясь самой высокой постройкой в городе, устремлялся к небесам на десять этажей вверх, и в буквальном смысле в его тени существовали прилежащие дворы, дома и их жители.

Студент проходил по улице возле высокого забора, представленного толстыми металлическими прутьями, устремившимся на несколько метров вверх пиками. Внизу прутья забора были встроены в бетонный батон, отчего забор становился ещё крепче.

ВУЗ окружал забор и внутри каменная плитка, без единого посаженного растения или травинки, отчего он становился ещё более серым и угрюмым.

Юноша быстро мелькнул через ворота в заборе и поспешил поскорее перейти на одно единственное занятие, поставленное на сегодня. У ворот он как всегда встретил студенток, которые приторговывали собственным телом, тем самым реализуя «Право на торговлю во всех её формах».

Студент быстро прошмыгнул мимо них и устремился вовнутрь здания. Там в большом и широком холле он встретил того, кого не хотел бы ни видеть, ни знать всю свою жизнь, с момента, когда познакомился с этим человеком.

Холл был действительно широк и представлял собой место, где у облицованных мраморной плиткой стен стояли приличные стулья, кресла и лавочки. У самого входа стоял пост, на котором проверяли документы студентов, убеждались, что это действительно они. Рядом с входом и далеко на противоположной стене от него были широкие окна, через которые целыми массивами проникал свет, плескавшийся внутри холла.

И посреди всего этого великолепия, увековеченного в мраморе и свете, стоял человек, одnogруппник Лютера, который вызывал у парня самые противные чувства и ощущения. Это щуплый худощавый, но между тем высокий юноша с чернявым, словно уголь, гнездом на голове. Глаза были мутные, зачастую всего скрытые под солнцезащитными очками. Кожа бледна, практически безжизненна, словно вымоченный в молоке белоснежный пергамент. Одет он в обтягивающие джинсы, с завёрнутыми довольно широкими подкатами. Торс покрывала мешковатая кофта, непонятной и трудно описываемой расцветки, чья безумное сочетание серого, чёрного и белого просто резало глаз. Ну а на стопах были большие и контрастирующие с его телосложением кроссовки, на нём напоминавшие боты. Бесцветные с зелёной отделкой они были уж слишком большие для его худющих ног и напоминали лапти.

Но не одежда послужила для Лютера причиной озлобленности и неприязни. Причины были столь глубинными, даже идейными, что крылись в представлении устройства общества, в сути самого миропонимания. А эти различия во все времена были самыми сильными и приводили к самым жестоким раздорам....

– Хаюшки, Лютер, – кинул приветствие студент, голосом как у раненной чайки.

– Приветствую, Джон. – С толикой лёгкой неприязни, проходя мимо, из вежливости, ответил юноша и устремился как можно быстрее к кабинету, дабы скрыться от взора того человека, который стоял и продолжал ждать свою «сестру по идеям».

Причины идейной розни двух парней послужил взгляд на мироустройство. Джон был ярым приверженцем той либеральной системы, укрепившейся в обществе, ставшей абсолют. Он был её ярким приверженцем, сторонником и почитателем, ставая её в пример другим странам и с упованием ожидавшим, когда тамошние системы рухнут и они «освободятся от гнёта тиранов», и у них придёт к управлению власть, «уважающая права и свободы людей».

Этот паренёк был таким ярким служителем «нового чудного мира», что зарегистрировался в Новой Церкви, Неохристианской Церкви, подал документы на зачисление в послушники Культа Конституции и смог пойти на услужение ещё десятку самых различных движений и общин.

Но самое главное, суть идеологического раздора заключилась в том, что Джон был одним из главных сторонников движения образования Муниципальной Студенческой Республики, которая, как представлялась «будет отражать интересы, и что самое главное Права и Свободы всего студенческого сообщества, позволяя ему участвовать в управлении ВУЗом, что соответственно является делом свободы и демократии».

Лютер понимал, что образование «Студенческой Республики» приведёт к полному ужасу свободного мира, который теперь будет плескаться и в институте, став доедать всех тех, кто раньше был защищён Корпорацией от тех «монстров», что самодовольно кличут себя «субъектами гражданского общества».

Но сейчас Лютер мог просто выдохнуть и не о чём не беспокоиться. Глава института стойко держится, отклоняя все несуразные предложения и строго следуя курсу, утверждённого Компанией.

Юноша как можно быстрее взобрался на собственный этаж. Там его ждали все его знакомые одnogруппники, но больше всего он был рад видеть своих друзей, с которыми сдружился: Ансуа, Жебера и, конечно же, Амалию.

Лютер скорее обращал внимание на них, нежели на остальных знакомых, попросту пропуская их взглядом, не смотря даже на их одежду. Ансуа в этот раз принарядился, набросив на себя, ставший сейчас очень редким, светло-голубой пиджак, такие же брюки, светлую рубашку и аккуратные, начищенные до блеска туфли. Жебер нарядился в свой привычный классический костюм. Но больше всего внимания Лютер обращал внимания на девушку, которая обворочила своим видом его взгляд и разум. Несмотря на то, что на Амалии одета примерно обычная

одежда, вроде банальных джинсов, зимних ботинок и простецкой кофты, совершенно незамудрённой синеватой расцветки.

Но, несмотря на это Лютер продолжал смотреть в глаза девушки, словно нашёл в них нечто ценное, стоящие смысла его жизни. Он, боясь смущения, при приветствии Ансуа и Жебера не обратил внимания на девушку, но когда пришёл черёд поздороваться с ней, то приковался взглядом к ней и даже как-то неумело попытался сделать комплимент, когда она улыбнулась:

– Тебе идёт улыбка, почаще улыбайся.

В ответ Амалия могла лишь слегка засмущаться чуть сильнее, слегка покраснеть и улыбнулась немножечко шире, от чего на душе юноше стало немного теплее, и мир не казался ужасно мерзким.

Ансуа слегка усмехнулся и решил чуть-чуть подколоть своего друга:

– Л-ю-ю-ю-тер, – протяжно начал юноша, а потом, увидев двух подходящих из тени одноклассников, то резко перешёл к другой теме. – А почему ты куртку не сдал в гардероб?

Юноша обернулся и увидел, как к ним подходят Джон с «сестрой по идеям», и понял, почему его друг быстро сменил тему. Если бы Джон услышал, что Лютер делает комплимент, то сразу бы начал верещать про то, что это «комплимент гендеру женского типа, который может оскорбить чувства всем остальным гендерам». А его подруга сразу бы обвинила Лютера в том, что он, требует эмоционального обслуживания от Амалии, чем нарушает её права, предоставленные Феминистским Кодексом.

Парень скоротечно оглядел девушку, идущую рядом с Джоном. Это была довольно высокая девушка, красивая, приятной наружности, имеющая длинные, слегка волнистые волосы, с лиловыми локонами. На ней была джинсовая куртка, со слегка приоткрытым верхом. Её ноги покрывали обтягивающие джинсы и сапоги, на рукаве куртки был сжатая в кулак лиловая ладонь, на фоне двух скрещенных клинков – символа ультрарадикального феминизма. Её лицо было очень трудно рассмотреть из-за того, что они всё ещё шли в тени стен.

И всё вроде бы было хорошо, вскоре должны были начаться занятия, но рок решил внести свои коррективы в судьбу.

Даниэлю сегодня было немного не по себе. У него был лёгкий жар и головокружение, но он решил пойти в институт, словно потакавая воле роковому фатуму. У парня чуть сильнее закружилась голова, и он покачнулся, сделав шаг назад. Подошва его кроссовка коснулась широкой, большой обуви Джона, оставив на ней замечательный след.

Сторонник либерального духа едва ли не взорвался потоками гнева, фонтанируя пеной изо рта:

– Да как ты смеешь! Это моё личное имущество, охраняемое законом!

– Мне нехорошо. – Держась за голову, тяжело проскрипел зубами Даниэль.

– Да мне всё равно! Ты, дикарь, какое право ты имел наступать и портить моё личное имущество! – продолжал орать на срыв Джон, при этом в безумной манере жестикулируя руками, словно отгонял рой мух.

Лютер знал, с каким фанатизмом Джон следит за своей собственностью, словно это единственный смысл его жизни. Он вычищал свои вещи, удерживая их в странной чистоте, и никому не позволял к себе приближаться более чем на тридцать сантиметров – расстояние, названное «личным пространством». Отчего и создавался его образ, как либерала-одиночки, наярженного порой в самые нелепые вещи.

И сейчас он стоял, словно прокажённый. У него глаза налились кровью и вздулись, став красными. Его голос сильно дрожал, а мышцы свело толи от судороги, толи от злобы. Он продолжал истошно орать, защищая свою нелепую вещь, ведь «это его вещь и никто кроме него не имеет священного Права к ней прикасаться». Все слышали безумный скрежет зубов Джона, который то безумно на срыв кричал, то шипел, как змея, то готов был накинуться на Даниэля.

Единственное сравнение, которое пришло на ум Лютеру, это сравнить Джона с теми, кого сегодня все церкви в это жалком мирке называют «вестниками свободы». Нет, скорее Джон был ими одержим. «Одержимость» – проскочило в голове у Лютера, сделав сравнение как нельзя лучше. А тем временем, безумец Джон выкинул единственное слово, которое по сути и определило дальнейший путь...:

– Суд! – в вихре ненависти, негодования и одержимости «Правом на неприкосновенность имущества», с резко покрасневшим лицом и взъерошенный, на срыв то ли прошипел, то ли крикнул Джон.

Глава восьмая. Адов цирк «Форум Свободы»

На следующий день. «Центр Свободы». Ночь.

На месте огромной равнины раскинулся «Центр свободы». С орбиты земли он напоминает огромный сияющий тысячами цветов кусочек драгоценного камня, словно кто-то поместил огромный бриллиант в земную кору и стал пропускать через него мириады солнечных лучей. И свет, и блеск, и сияние этого «Алмаза всего свободного мира», как его называли в Конституции, виднелся далеко за пределами орбиты Земли, ибо его сверкание, особенно во времена, когда солнце зашло на покой, устремлялось очень далеко и было неистово сильно, словно в собственной гордыни и спеси, стараясь утвердиться во всей вселенной.

По своим размерам это был настоящий мегаллаполис, здания которого становились подобно искусственным и противным деревьям. Не исчислимое количество растительности, сделанной из камня, пластика и стекла, устремлялось к небосводу, подобно древней вавилонской башне, будто споря с самим создателем за право править.

Тысячи тысяч блистающих небоскрёбов образовывали целую сверкающую лесную чащу, в тени которой влачили своё существование остальные здания, выпавшие за границы леса зданий, образуя для него каменную опушку, которая, как изумрудная трава в преддверии леса, раскинулась серой и унылой муравой на многие километры.

Ветра в центре огромного мегаллаполиса не было совершенно, словно его огородили стенами, через которые ни один свежий порыв не способен пробиться, оттого и становилось выносимо душно практически во всём городе. А среди высоких «стволов» каменных деревьев, постоянно клубились облака и океаны серого и токсичного тумана, который рождался от всего, что давало выхлоп.

Но всю фантазмагорию стекла, камня, дерева и всех строительных материалов, не прозвали «алмаз республики» или как-то по-иному, а хотя, учитывая его облик, вид с орбиты, это место смело можно назвать «бриллиантовый Вавилон» или «хрустальная Гоморра». Это место, ставшее сокровищем «Всего свободного мира», получило совершенно иное название, такое, какое дали ему первые создатели, восставшие из мрака Великой Европейской Ночи и решившие утвердить свою власть и мировоззрение. Именно их взгляд на мир послужил основой, для выбора названия нового города, что «должен сиять и освещать путь к истинной свободе всем остальным, подобно тому, как маяк указывает путь заблудшим кораблям в пучине Посейдона».

Что ж, этот мегаллаполис стал тем, что хотели заложить в него иерархи Культа Конституции и все их прихвостни, полностью воплотив их мечты и чаяния. Теперь ему можно дать полностью синонимичное название, которое и отразило его суть – «Сверкающий Садам».

И даже гостю, пришедшим с дальних рубежей, начинало казаться, что, что-то здесь не так. К горлу, не бывшим тут ни разу, мог подступать тошнотворный комок к горлу, а глаза самопроизвольно хотели закрыться и не видеть того, что обильной рекой течёт по улице и становится воплощением мира «Прав и свобод».

Эрнест ехал в автомобиле такси и жалел, что стёкла машины не были тонированы с обеих сторон. Он просто уставился в одну точку, которой стала пачка сигарет водителя у руля, и его позвоночник просто отказывался поворачиваться и смотреть, что происходит на улице. А на душе, словно кошки скреблись, и сам дух, у сердца, неистово рвался и метался, призывая покинуть, сей место, позабыть про него и бежать куда-нибудь из этой проклятой страны.

Несмотря на то, что по крыше автомобиля настойчиво била дождливая барабанная дробь, уши Эрнеста слышали тот говор, что скрежетом несётся по узким улочкам, сдавливаемыми «лесом», и ощущали противные музыкальные композиции, несущиеся с многоголосной рекла-

мой, что слилась со всем в единую сумасбродную песнь, от смысла которой могла «поехать» уже «крыша» нормального человека

Внезапно, чисто машинально, на подсознательном уровне инстинктов, глаз Эрнеста дёрнула в правую сторону, там, где видится улочка и всё же часть картинки ушла в его мозг, прежде чем воля взяла вверх, и мужчина снова не стал смотреть на пачку сигарет. В сознании тут же проецировалась изображение того, что узрело глазное яблоко: На улочке, вымощенной из серых каменных плит, и стоявшей подле некой торговой лавки, из которой волной падал жёлтый свет, приложив все четыре конечности к мокрым плитам, с ошейником на шее стоял на лысо подстриженный и бритый мужчина. Он был на четвереньках, облачённый в тянущийся обтягивающий чёрный монохромный костюм, который отсвечивал сиянием всего того, что может вообще сиять. «Латекс» – пронеслось в сознании Эрнеста. Ошейник с шипами имел поводок, который находил конец в руках высокой женщины, выбравшей тот же наряд, но при этом нацепив на себя высокие сапоги со шпильками. Половина лица этой женщины скрылась за бесконечными татуировками, а другая за бесконечными стальными кольцами и пирсингом, что прошил её лицо, исполнил его в неистовом металлическом безумии, а на лбу были два имплантированных козьих рога, из волос присутствовал только чуб, выкрашенный в розовый цвет.

За этой парой, за руку прогуливался другой мужчина, чьи элементы наряда пропали в жёлтом ослепительном свете торговой лавки. Но вот избранница мужчины поразила Эрнеста до глубины души, заставив его ощущать дискомфорт в желудке и горле. Правая механическая рука «девушки» касалась плоти безумца. Её ноги отсвечивали металликой и были собраны из стали, а при каждом механическом движении издавали характерный звук работы механизма. Часть лица её отражала матовостью и одноцветностью и отсутствием всякой эмоции, словно кто-то выкопал хорошо сохранившийся труп и только левый глаз отсвечивал стеклом. Но вот вторая часть лика, которую Эрнест уловил случайно, была похожа на воплощение старых фильмов о наступившем будущем. Правый глаз представлен диодом, а всё остальное, что окружало его, играло бликами воды и света, как, будто это... металл. Так оно и было, мужчина, шедший с девушкой, воспользовался правом, пришедшим из Кодекса Андроидов: «Каждый робот, механизм или иное рукотворное средство, похожее на человека и обладающее достаточным разумом, подтверждённым «Технической Картой», наделяется теми же правами, что и граждане Либеральной Капиталистической Республики, становясь гражданином». Вот парень и выбрал себе избранницу, которая тоже «гражданка», пускай и механическая. Но он не сможет с ней сделать всё, что угодно, так как андроид имеет очертание женщины, а значит, автоматически попадает под защиту всех феминистских сообществ. И если, проверяющие его раз в неделю сотрудницы Феминистского Надзора уследят на нём признаки «угнетения женщин», то начнут разбирательство по всем возможным статьям, ибо «мужчина нарушил Право женщины на неприкосновенность и то, что она механизм – лишь подогревает решимость мужчин на угнетение её, так как она не может ответить, а это лишь укрепляет всех представителей мужского пола в их природной тирании» – как сказано в одной из сотен статей Феминистского Кодекса.

Когда Эрнест услышал о подобном правиле, проводя время в пути, который пролегал в воздушном пространстве, то чуть не захлебнулся от кофе, который аккуратно попил у себя из чашечки. Он, сидя у себя в Восточной Бюрократии даже представить себе не мог, что такое способно существовать. И тут же в его разуме мельком, лишь слегка тревожа рассудок пробежали слова Матвея, который предупреждал его о безумии с которым придётся встретиться в этом городе.

Внезапно машина ушла в поворот, рассеяв, подобно утреннему туману все мысли и остаточные воспоминания в голове пассажира. Эрнест ощутил, как колёса под ним стали двигаться всё неторопливее, и машина стала замедлять свой ход. И длилось это до тех пор, пока авто-

мобиль вообще не прекратил своё движение, остановившись у одного из небоскрёбов на парковке.

- Вот мы и приехали, – скрипучим голосом прозвучало со стороны места водителя.
- Сколько с меня? – спросил Эрнест, опуская руку в карман классического пиджака.
- Нисколько, – сквозь усмешку последовал ответ. – За всё платит Корпорация.

Мужчина не видел лица водителя, и искренне надеялся, что его подвёз к зданию Федерального Сената не один из тех вурдалаков, что на голову лепят килограммы железа, при этом раскрашивая его всеми цветами радуги.

Эрнест взялся за стальную ручку и одёрнул её. Дверь автомобиля устремилась вверх, подобно птичьему крылу, открывая место для прохода. Ступив своими кожаными подошвами на мокрый асфальт и подавшись из машины с футуристической конструкцией, выкрашенной в цвет ночи, Эрнест ощутил, как по его коже закрапали холодные и колкие точки. Мужчина поднёс к лицу руку и в свете множественности фонарей увидел, что вода на его конечности отсвечивала множеством различных цветов, имела вязкую текучесть и если её растереть между пальцев, то очень сильно напоминала масло.

- Господин Эрнест! Господин Эрнест! – Заслышалось где-то вдалеке.

Мужчина поднял голову и увидел, как к нему подбегает невысокая стройная женщина, так же одевшая строгий классический костюм, но уже женского типа – туфли, рубашку, жилетку и юбку, при этом удерживая в руке два открытых нараспашку зонта.

– Господин Эрнест, нельзя под этим дождём стоять! – прикрикнула девушка и накрыла мужчину брезентовой защитой от странного и очень дурно пахнущего нарастающего ливня.

Эрнест наконец-то смог оглянется по сторонам, когда забрался под зонт, аккуратно взяв его из рук девушки. Повсюду было множество машин самой различной раскраски и стиля. Цвета были все те, которые возможны во вселенной, заканчивая самыми различными и немислимыми цветовыми вариациями и рисунками. Но вот стиль автомобилей поражал ещё сильнее, словно каждый приехавший старался занять первенство по необычности форм, а порой и по их уродству. Где-то стояли машины на трёх огромных колёсах, что полностью закрывали собой салон. В других же местах своё место заняли автомобили, похожие на самые различные предметы, начиная от цилиндров и заканчивая звёзды. Но всё же, несмотря на такое разнообразие, больше всего на парковке было обычных строгих, классических машин старой конструкции и стиля.

Внезапно зазвучали слова, попавшие прямо в уши мужчине и зазвучавшие у него в разуме ярким звоном:

– Господин Эрнест, я Эбигейл, ваш временный куратор от Корпорации «Восточное Единое Торговое Собрание». Назначена, что бы помочь вам понять суть работы Форума Свободы.

Эрнест опустил голову и в его глазах отразились черты лица девушки. Это в основном шатеновые волосы, имеющие локоны, к концам специально обесцвеченные, ниспадающие на аккуратные плечи и ниже, доходя практически до поясницы. Глаза, имеющие расцветку драгоценного щербатого топаза, со щенячьей наивностью смотрели на мужчину. Тонкие и слегка низко посаженные губы не имели ярко-красной расцветки, а к углам сливались с беловатыми щёками, которые, между прочим, были слегка впавшими. Едва крючковатый и острый нос переходил в малость широкий лоб, что с виду, как посчитал Эрнест, придавало девушке лишь вид умного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.